

Колин Маккалоу

Плотский грех

От автора потрясающих романов
«Поющие в терновнике» и «Горькая радость»!

Поющие в терновнике

Колин Маккалоу

Плотский грех

«АСТ»

2013

УДК 821.111-31(94)
ББК 84(8Авс)-44

Маккалоу К.

Плотский грех / К. Маккалоу — «АСТ», 2013 — (Поющие в терновнике)

1969 год. В городке Холломан кто-то похищает, жестоко истязает и обрекает на смерть красивых юношей. Здесь явно орудует серийный убийца — и времени на его поимку у капитана Дельмонико в обрез, ведь очередная жертва преступника, возможно, еще жива... А одновременно команде Дельмонико приходится распутывать не менее таинственное дело об исчезновениях молодых женщин, которые происходят в городке на протяжении вот уже шести лет. И в довершение ко всему прочему в Холломане объявляется загадочный мотоциклист, который совершает целую серию кровавых и на первый взгляд абсолютно немотивированных убийств. Расследовать три таких сложных дела сразу — нелегкая задача даже для капитана Дельмонико и его команды...

УДК 821.111-31(94)
ББК 84(8Авс)-44

© Маккалоу К., 2013
© АСТ, 2013

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	46

Колин Маккалоу

Плотский грех

© Colleen McCullough, 2013

© Перевод. Н. Кудашева, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

* * *

Посвящается Карен Куинтал.

С глубокой благодарностью за долгие годы верности и любви.

С надеждой, что еще столько же ждет впереди.

Спасибо, подруга.

Полночь с воскресенья на понедельник, 3–4 августа, 1969 год

Он понятия не имел, что сейчас полночь. Он не знал, светит ли солнце или мерцают звезды. Точно так же не мог он вычислить, как долго тут пробыл, – настолько неотчетливо тянулось время. Только что он был свободен и счастливо улыбался посреди мира, широко распахивавшего ему свои объятия; а в следующий миг вдруг провалился в сон столь глубокий, что не помнил даже мельчайшего фрагмента того, что снилось.

Когда он проснулся, то оказался здесь, в иной жизни. В этой большой, безликой комнате помещались унитаз с мягким сиденьем и пластиковый фонтанчик для питья, выпускающий тонкую струю, стоило лишь поставить ногу на расположенную на полу кнопку. Итак, он мог пить и имел опрятное место, чтобы справлять нужду. Здесь у всего был один цвет – грязно-бежевый, не из-за грязи, а из-за скудного освещения от одной тусклой лампочки в центре потолка, в прочном стеклянном кожухе, оплетенном стальными прутьями.

Он был совершенно обнажен, хотя не чувствовал ни жары, ни холода. Все было странно мягким – пол и стены вздыхали и нежно продавливались всякий раз, когда он их касался, подобно кожаным подушкам на сиденье машины. То, что он поначалу посчитал швами вокруг подножия стен, оказалось прямой противоположностью швов – выпуклыми валиками, словно амортизирующая поверхность стен была вбита в щель вместе с краями полового покрытия. Сколько бы он ни старался расковырять материал кончиками пальцев, тот отказывался поддаться даже на миллиметр.

Вскоре волчий голод стал единственной сутью его существования, ибо, хотя он мог вволю напиться, у него не было ни крошки еды. Временами, погружаясь в сон и пробуждаясь, он смутно припоминал вкус еды и понимал, что его чем-то кормят, и это что-то укладывалось в его животе тлеющим угольком такой восхитительной теплоты и комфорта, что даже самые мимолетные воспоминания об этом заставляли его плакать.

Смутно вспоминались окутанные туманом периоды паники, когда он громко и безостановочно вопил, бился о стены, молотил кулаками по этим мягким, прогибающимся поверхностям, выл, как старый пес, и скулил, и рычал, и лаял, и голосил. Никто никогда не отвечал. Он слышал только самого себя. Приходя в себя после приступа паники, изнуренный, измученный, он жадно бросался пить и засыпал мертвым сном, лишенным сновидений, последней мыслью перед которым была надежда получить еду.

Ему было нечего делать, некуда смотреть – не было даже зеркала, ничего, чтобы скоротать время! Это ему-то, человеку, который провел столько минут, пялясь на собственное отражение, восхищаясь совершенством своей красоты. В те времена ему стоило только улыбнуться, чтобы получить желаемое. Но здесь было некому улыбаться. Только один крохотный

шанс улыбнуться – вот все, что ему было нужно! Улыбка вывела бы его отсюда – никто никогда – никогда! – не мог устоять перед его улыбкой! Улыбка добыла бы ему еду. Еда всегда поступала к нему во время сна, стало быть, он должен засыпать с улыбкой.

Он слабел, это было похоже на то, как тащится улитка, – с отупляющей медлительностью и огромным усилием, с очевидным трудом удерживая на себе домик своей жизни. Ведь если бы тот соскользнул, он и сам бы исчез, словно капля слизи на раскаленной добела печи. Он пока еще не хотел расставаться со своей красотой! И со своей улыбкой!

– Почему вы так жестоки? – спросил он и улыбнулся. – Кто вы?

На сей раз его пробуждение принесло перемены: он был по-прежнему голоден и теперь испытывал боль.

Никакого приятного тепла, никакого уголька, тлеющего в желудке, – эта неведомая сила его не покормила! Но по крайней мере боль говорила, что он все еще жив, и это была не мучительная боль, а скорее ноющая – боль в паху. Он не мог постичь, откуда взялось внимание этой неведомой силы к его паховой области, с которой удалили все волосы. В остальном же это неведомое оно, насколько ему было известно, ни разу не подвергало его никакому поруганию. Нынешняя боль после пробуждения заставила его в этом усомниться, и он нащупал свой пенис; тот был на месте, неповрежденный. Нет, болезненное ощущение было за ним, в мошонке. *Что-то было не так!* Каждое яичко должно было свободно перекачиваться под его пальцами внутри мешочка, но они не перекачивались. Его мошонка была пуста. Пуста!

Он пронзительно взвизгнул, и с каждого квадратного дюйма комнаты раздался голос, чей источник было невозможно определить.

– Бедный евнух, – по-голубиному заворковал голос. – Ты вел себя хорошо, мой бедный евнух. Никакого кровотечения. Они выкатились так же легко, как косточка из тощего авокадо. Чик-чик! Чик-чик! И нет яиц.

Он громко вскрикнул и продолжал кричать, издавая долгие пронзительные завывания горя и отчаяния, которые в конце концов перешли в невнятное бормотание, а за ним последовало молчание и ступор. Боль угасала, постепенно уходя в небытие, гораздо легче переносимая, чем боль голода, и даже голод уже не имел того значения, как до этого страшного открытия. Без его мужского естества ему было уже не о чем улыбаться. Полнейшая усталая безнадежность вошла в его душу и поселилась там навсегда.

Хотя он не знал, что сейчас полночь, беспощадный удар косы Времени, отпихнувший назад воскресенье, третье августа, и протолкнувший вперед понедельник, четвертое августа, он внезапно понял, что еды больше не будет. Съежившись, обхватив руками колени, он сидел, уставившись поверх широкого пространства пола в грязно-бежевую бесконечность.

Позади него, с потолка, стало спускаться кресло и, бесшумно снизившись, остановилось, так что его подножие оказалось в метре от пола. Поверни он голову, он бы его увидел и увидел сидевшего в нем человека, но он не повернул головы. Все, что от него осталось, было сосредоточено на этом созерцании бесконечности, хотя мыслями он был уже далеко, угасая. Будучи в данном вопросе авторитетом, его наблюдатель оценил, что ему осталось дней сорок до того, как в нем погаснет последняя искра жизни. Сорок дней исступленных речей – какой материал для изучения! На лице узника до сих пор сохранялось некое подобие улыбки...

Кресло втянулось обратно в потолок, а умирающий продолжал вглядываться в бесконечность, пытаясь увидеть свое будущее.

Понедельник, 4 августа, 1969 год

– Я говорила тебе, Эйб, я же говорила! – сказала Делия. – Но вы с Кармайном вели себя как типичные мужчины – не желали слушать женщину, ах, ни в коем случае!

Они с Эйбом сидели за столиком в кафе «Мальволио» в ожидании ленча, и Эйб только что ошибся в расчете: тонкий, просвечивающий наряд Делии горчично-желтого и корал-

лово-розового цветов показался ему свидетельством ее податливости и указанием на то, что сегодня она безмятежно скучна. Однако ее реакция на его новость говорила об обратном. Эйб внутренне вздохнул и пересмотрел свою мысленную схему под названием «Делия Карстерс».

– Что ж, чтобы меня убедить, потребовалось сегодняшнее известие, – заносчиво проговорил он. – До нынешнего момента свидетельства были недостаточными.

– Не хватало свидетельств, не хватало и пороку, – бросила она с отвращением.

– Я не понимаю, почему ты так громко злорадуешь, – проворчал Эйб.

– Вон идет Минни с нашим омлетом, – произнесла Делия голосом чопорной школьной училки, – и я предлагаю перед обсуждением поесть.

Ах вот в чем дело! Делия попросту голодна! Эйб смиренно принялся за еду. Взятый хозяином ресторана Луиджи летний повар превосходно готовил западный омлет¹, и Делия ими еще не насытилась. А это означало, что мысленная схема Эйба под названием «Делия Карстерс» не могла оставаться в неизменном виде. Вопрос состоял в том, что в ней подкорректировать. Очень сложной была эта мысленная схема.

Расправившись с едой, Делия подалась вперед, и ее ярко-карие глаза загорелись.

– Просвети меня, – скомандовала она.

– То же самое, что и с Джеймсом Доу. Гус назвал его Джебом Доу – под этим именем он останется до тех пор, пока не будет идентифицирован² – если только это когда-нибудь случится. Я знаю, ты отстаивала версию, что Джеймс Доу связан с четырьмя предыдущими трупами, но разложение не позволило получить какой-либо определенный результат анализа, тогда как с Джембом Доу это возможно. – Сигарета Эйба разгорелась, он затянулся с явным удовольствием. – Гус еще не объявил результатов по Джебу, но предварительная экспертиза показывает поразительное сходство с Джеймсом. Тело было найдено на Уиллард-стрит, в двух кварталах дальше Кэтерби-стрит, куда жители пуэрториканского пригорода пристрастились сваливать мусор. Причина смерти неочевидна, хотя голод определенно сыграл в этом свою роль. Его кастрировали за несколько недель до смерти.

– Причиной смерти окажется голод, – уверенно сказала Делия, – и преступник – серийный убийца, ты должен немедленно это признать. Джебу и Джеймсу Доу предшествовали четыре Джона Доу, чьи кости мы обнаружили. И я считаю, что их было гораздо больше четырех.

– Если и так, то не в Холломане. Мы провели ретроспективный анализ за двадцать лет и не нашли ничего до первого Джона Доу, убитого в шестьдесят шестом. – Эйб выпустил роскошную струю дыма, затем горестно посмотрел на свою сокращающуюся сигарету. – Почему они так быстро кончаются?

– Потому что ты бросаешь курить, Эйб, милый, и следующая сигарета будет только вечером после ужина. Ты уверен, что нигде в Коннектикуте нет других Джонов Доу?

– На данный момент да, но я попрошу Лиамы и Тони еще раз навести справки. – Эйб криво усмехнулся. – По крайней мере, мы можем быть вполне уверены, что никакие тела не объявятся в идиллической сельской обстановке.

– Да, этот парень определенно считает свои жертвы мусором. – Когда Эйб поднялся, чтобы уходить, Делия положила руку ему на запястье. – Нет, прошу тебя, давай побудем еще минутку. Здесь так чудесно работает кондиционер.

Эйб сел, словно хорошо выдрессированный супруг.

– Да, здесь прохладно, но дым меня изводит, – жалобно заметил он.

Она раздраженно мурлыкнула.

¹ Омлет с луком, сладким зеленым перцем и ветчиной. – *Здесь и далее примеч. пер.*

² Под псевдонимом Джон Доу подразумевается неопознанное тело. В случае если тело принадлежит женщине, используется термин Джейн Доу, если младенцу – Бэби Доу. В больницах англоязычных стран так называют пациентов, чьи имена по каким-то причинам (амнезия, кома, отсутствие родных и близких, которые могли бы назвать имя пациента) неизвестны.

– Я нежно люблю тебя, Эйбрахам Сэмюэл Голдберг, но ты должен преодолеть свою привычку к курению. Настрой свои мозги куда следует – на Джеба Доу, а не на ковбоя Мальборо.

– Извини, – пробормотал он, выдавливая улыбку. – Если причина смерти Джеба Доу – голод, тогда нам известно, что и последние два Доу были уморены голодом, а также кастрированы. Это, в свою очередь, дает нам возможность предположить почерк преступника во всех шести случаях. Изуверство!

– Да, совершенно отвратительно, – скривилась Делия. – Это очень необычный способ убийства, потому что степень преднамеренности поистине устрашающая. Я имею в виду, что на такое требуются недели, если не месяцы, а прервать процесс можно в любое время. При этом способ не грязный, и в этом он определенно противоположен большинству убийств.

– Ты хочешь сказать, что убийца холоднее льда и тверже стали.

– Да, тогда как убийство по самой своей природе предполагает страсть и ярость, – нахмурилась Делия.

– Как вообще могло кому-то прийти в голову в качестве модуса операнди³ морить жертвы голодом? Тут нужен какой-то каземат. – На веснушчатом лице Эйба отразились ужас и смещение. – А ведь мы здесь, в Холломане, уже недавно натыкались на кое-какие подземелья.

– Вот именно! – взволнованно воскликнула Делия. – Уморить голодом – это средневековая форма убийства. Обладая обилием подземелий, наименее цивилизованные монархи увлеченно предавались этому развлечению. Тетя Софонисба обидела короля, и король бросил ее в подземелье, где – о, кто бы мог подумать? – ее забывали кормить. Однако жертвами почти всегда были женщины. Это вид убийства через третье лицо, что уменьшает вину.

Забыв про сигареты, Эйб заинтригованно уставился на Делию.

– Я слышу тебя, но правильно ли понимаю? Ты намекаешь, что убийца наших Доу – женщина? Или что жертвам следовало быть женщинами?

Делия резко отклонила тему.

– Ограничивая значение слова «гомосексуальный» только мужской частью рода человеческого, одновременно относя лесбиянок на второе место, я уверена, что, хотя некоторые гомосексуалисты, возможно, и ощущают себя женщинами, застрявшими в ловушке мужских тел, большинство из них так себя не воспринимают. В конце концов, гомосексуальность не есть прерогатива человеческих существ. Животные тоже ее практикуют, – заявила она.

В блестящих серых глазах Эйба мелькнуло замешательство.

– Ты хочешь сказать, что это гомосексуальные убийства? Или что?

– Я хочу сказать, что убийца определенно не гомосексуал.

Эйб продолжал таращиться на нее как загипнотизированный. Как работает ум Делии? Даже более мощные, чем у него, умы не смогли найти ответа на этот вопрос, поэтому и Эйбу было не стыдно признать свое поражение.

– То есть, согласно твоей гипотезе, убийство четверых Джонов Доу, Джеймса Доу и Джеба Доу – все дело рук одного и того же гетеросексуального киллера?

– Определенно. Ну же, Эйб, ты думаешь точно так же!

– После Джеба признаю, что киллер тот же самый. Гетеросексуал? Хоть убей, не знаю.

– Главный вопрос: как давно он начал свои эксперименты?

– Ты имеешь в виду, как он пришел к своему преступному почерку?

– Именно это я и имею в виду. – Делия выгнулась в восторге предвкушения. – Ты расследовал дело Джеймса Доу, Эйб, поэтому должен ввести меня в курс дела.

– Общее мнение в то время было таково, что это гомосексуальное убийство чистой воды. Но после того как мы с Лиамом побеседовали с профессором Эриком Содерстеном, нам пришлось пересмотреть это мнение.

³ Способ совершения преступления.

«Полным-полно случаев, – подумала Делия, – когда небольшое полицейское управление в маленьком городе может обладать неожиданными преимуществами». Полицейское управление Холломана имело в своем распоряжении все ресурсы и высококвалифицированные кадры одного из крупнейших мировых университетов; в их числе были профессора психиатрии медицинского факультета университета Чабба. Доктор Эрик Содерстен, знаменитый авторитет в области психологии гомосексуальности, проконсультировал Эйба по его просьбе.

– По заключению профессора, кастрация жертвы показала, что провоцирующим фактором убийства было изнасилование, а не гомосексуальность. Наши изыскания в среде гомосексуального контингента Холломана никуда не привели. – Лицо Эйба озарила его прекрасная улыбка. – Нам также было сказано, что на пороге нового десятилетия и при том, что так много парней выходит из тени, публично заявляя о своей гомосексуальности, гомосексуализм обретает новую жизнь вместе со словом «гей». Нам приходится учиться говорить «гей», а не гомосексуалист.

– Мне приходилось слышать слово «гей», – сказала Делия. – Оно восходит ко временам Оскара Уайльда, если не к более ранним. Но продолжай, дорогой.

– Так или иначе, теперь, по крайней мере, стала ясна причина отсутствия информации от гей-сообщества: судя по всему, Джеймс Доу не был гомосексуалистом, и его убийство не имело гей-аспектов. Вместо этого нам пришлось спросить себя, не изнасиловал ли он кого-нибудь.

– Быть может, он был гомосексуалом и изнасиловал мужчину?

– Делия! Такого вывода мне не нужно! – сердито посмотрел на нее Эйб. – Ты не совместила с жарой. Мне надо закурить.

– Вздор, ничего подобного. Ты в унынии, Эйб, милый, потому что обнаружение Джеба Доу кладет конец теориям с изнасилованием. Этот убийца живет ради акта убийства, и его приходится расценивать как серийного. Причины, по которой он кастрирует своих жертв, будут абсолютно индивидуальными и не связанными ни с какими фрейдистскими обобщениями. – Делия поднялась в своем горчично-коралловом облаке. – Идем, давай посмотрим, произвели ли Гус вскрытие.

Они вышли на улицу, в августовский зной, где влажность доходила почти до точки насыщения, и, задыхаясь, начали ловить ртом воздух.

– Я вовсе не безумна, Эйб, у меня просто свой подход к расследованию дела, – жизнерадостно сказала Делия, пока они спускались в морг, расположенный на минус первом этаже. – Как же хорошо, что во всех помещениях судмедэкспертизы всегда имеется кондиционер. – Ее лицо погрузнело. – Все же немного печально не видеть толстощекого лица Патрика. Похоже, он решил спешно сложить с себя коронерские⁴ обязанности.

– Ты не можешь его винить.

– Нет, конечно, но скучать по нему могу.

Густав Феннелл занял место Патрика О’Доннелла в качестве коронера и судмедэксперта – решение, обрадовавшее всех после неожиданной болезни Патрика, которого скрутил зловарный артрит. Замена такого волевого, энергичного, прогрессивного человека, как Патрик, подобным ему специалистом привела бы ко всевозможным войнам, внутренним и внешним, тогда как старый добрый Гус (который на самом деле не был ни слишком старым, ни слишком добрым) знал все ходы и выходы и мог надежно и гладко руководить отделом. Не имея привлекательности и обаяния своего ушедшего на покой шефа, Гус преуспевал в роли зама руководителя, сознательно играя вторую скрипку, что было хорошо известно комиссару Джону Сильвестри. Сейчас, проведя в должности главного судмедэксперта три месяца, истинный Гус начинал сбрасывать свои покровы в том затейливом танце, который, как знал Сильвестри, в

⁴ Коронер – должностное лицо округа с медицинским образованием, расследующее случаи смерти человека, погибшего предположительно насильственной смертью или при вызывающих подозрение обстоятельствах.

итоге закончится появлением на свет мягкого, но непреклонного автократа, который будет продвигать свой отдел вперед и вверх с предельной эффективностью.

Как и Патрик, Гус обожал проводить вскрытия убитых, и чем запутаннее и загадочнее было дело, тем лучше. Когда Делия и Эйб вошли, в халатах и бахилах, в его прозекторскую, он как раз стягивал с себя перчатки, предоставляя закончить работу ассистенту. Если причина смерти была неизвестна и могла иметь инфекционный фактор, он работал в маске, как и было в случае с Джебом Доу.

Сняв маску, он провел своих посетителей в укромный угол комнаты, где стояло несколько стальных стульев, и сам сел со вздохом облегчения. Лишенные защитных покрытий, его лицо и волосы представлялись – другого слова не подобрать – совершенно невыразительными. Патрик казался самым обычным и как будто даже сливался с обоями. Однако его худощавое тело обладало гибкостью и силой, о которой его пропорции давали неверное представление; лицо же говорило, что его хозяину можно доверять. Эйб и Делия знали, что у него есть некоторые причуды: он был строгий вегетарианец, запрещал курение в своем отделе, и, если обстоятельства лишали его двух щедрых порций предобеденного шерри или послеобеденного портвейна, тихий и мягкий доктор Феннелл становился отвратительным мистером Хайдом⁵. Страстью же его являлся бридж, в котором он был признанным мастером.

– Если только отправленные на анализ жидкости и ткани не выявят присутствия какого-либо токсина, – в чем я сомневаюсь, – то причиной смерти является простое голодное истощение, – сообщил Гус, сбрасывая свои сабо. – Не знаю, почему у меня сегодня так болят ноги. Яички были удалены примерно за шесть недель до смерти, кем-то прекрасно осведомленным, как это делается. В желудочно-кишечном тракте не нашлось ничего, что я мог бы назвать остатками пищи, но человек не был обезвожен.

– Вода, Гус? Или, может быть, фруктовый сок? – спросил Эйб.

– Ничего, кроме обыкновенной воды, полагаю. Определенно без примеси той или иной клетчатки или неперевариваемых конечных продуктов. Если ему давали чистую воду, голодный метаболизм должен был пройти гладко, как по маслу, что и произошло. Под его ногтями не обнаружено никаких веществ.

– Можно нам на него взглянуть? – спросила Делия.

– Конечно.

Делия и Эйб подошли к секционному столу, где одиноко лежало тело. Они отметили густые волнистые черные волосы, подстриженные так, чтобы закрывать шею и уши, но не достаточно длинные для того, чтобы забираться в хвост. Это было почти единственное свидетельство нормальности, которое демонстрировало тело, – настолько динамичным оказалось разрушительное действие обменных процессов, ведь организму ради поддержания жизни пришлось переваривать самого себя. Кожа, желтая и похожая на воск, была туго натянута на скелет, который проступал сквозь нее в мельчайших подробностях.

– У него превосходные зубы, – заметила Делия.

– Хорошее питание и фтор в водопроводной воде. Последнее говорит о том, что он вырос не в Коннектикуте, – сердито покачал головой обойденный вниманием Эйб. – Я попрошу Джинни Тоскано изобразить для меня, и поживее, этот череп, какую бы истерику она мне ни закатила. Джебу требуется зарисовка художника.

– Разве ты не слышал? У нас новый художник, – сказала Делия, подоспев первой и с этой новостью. – Его зовут Хэнк Джонс, он юноша, только-только закончивший художественную школу, с чугунным пищеварением, отсутствием морали и чернушным чувством юмора.

– Юноша? – усмехнулся Эйб.

⁵ Герой повести Р.Л. Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда».

– Девятнадцать лет, благослови его бог. Его хобби – рисовать трупы на медицинском факультете, но, когда я встретила его на нашей парковке, он делал набросок автомобиля Пола Бахмана – у того «Мерседес» тридцать седьмого года с кузовом «Родстер». Парень великолепен!

– Без его великолепия я обойдусь, но если он не против вида отвратительного мертвого тела, то его стоит узнать, – сказал Эйб.

– Те, кто видели его работу, говорят, что он хорош, – повысила голос Делия. – А что, Гус, от голодной смерти тело теряет волосяной покров или же бедняге провели депиляцию?

– Последнее, Делия, – ответил Гус. – Он не был волосат от природы, но те волосы, которые он имел на теле, кто-то выщипал. В дополнение к этому, волосы у него на голове окрасили в черный цвет – то же самое проделали и с Джеймсом Доу. От природы и Джеб и Джеймс светлые. У обоих были очень голубые глаза и хорошо загорелая кожа. Черты лица европеоидные. – Гус говорил, по-прежнему сидя на стуле и покачивая ступнями.

Любопытствующие Делия и Эйб продолжали курсировать вокруг стола, взволнованные зрелищем Джеба Доу. Тому было далеко до самых отвратительных трупов, что им обоим довелось повидать, тем не менее он производил впечатление более сильное, чем большинство жертв, умерших насильственной смертью. Его запах был странно неправильным, и Эйб, более научно подкованный, чем Делия, отнес это на счет начала разложения за вычетом обычных обстоятельств, сопутствующих убийству, – таких, как присутствие крови, рвотных масс, открытого гниения. Делия лишь подумала, что это едва ли не единственное за многие месяцы полностью бескровное убийство. Тело Джеба не выглядело сырым или влажным, и голова с копной черных волос представляла собой пугающее зрелище, потому что череп полностью проступал из-под обтягивающей его кожи с набухшими венами, что, вкупе с парой коричневых, оттянутых назад губ, словно застывших в гримасе ужаса, создавало зловещую улыбку смерти. Жуткое, отвратительное зрелище! Закрытые веки Джеба были одарены густыми, длинными темными ресницами и четко очерченными дугообразными бровями. Ничто в теле не наводило на мысль о мумификации – этого Эйб и Делия навидались в избытке.

Наконец, убежденные, что Джеб Доу больше не может ничего им рассказать, Эйб и Делия поблагодарили Гуса и покинули морг.

Детективный отдел был слегка разбросан по зданию окружной администрации, где присутствовало большое количество других полицейских сил, но до помещения, где работали Кармайн и Делия, из отдела судмедэксперта было легко добраться по ближайшей лестнице или на лифте. Делия помахала Эйбу, оставив его добираться до своего помещения в одиночку, за что Эйб был благодарен: с Делией беседа всегда принимала самый неожиданный поворот, а он хотел без помех заняться своими текущими мыслями. Ее способ мышления был непонятным и словно направленным по касательной, потому что она никогда не видела вещи такими, какими видят их простые смертные, но именно за это Кармайн и ценил ее. «И, – поправил себя Эйб, – будь справедлив, Эйб Голдберг! Ты ценишь ее не меньше».

Кармайн повез Дездемону и сыновей в гости к своему старому приятелю киномагнату Майрону Менделю Мандельбауму в Беверли-Хиллз и должен был вернуться не раньше, чем через три недели. Он подкупил Делию, дав ей разрешение поработать над серией дел о пропавших женщинах, которая беспокоила ее уже не один месяц, и сказал ей, что обычные преступления и подозреваемые надежно находятся в руках Эйба, так что, мол, не вмешивайся, если сам Эйб не попросит. Поскольку Делия и мечтать не могла целый месяц посвятить своей излюбленной теме, то восприняла невысказанный подтекст философски и оставила Эйба в покое. Многочисленные анонимные жертвы под именем Доу грозили разрастись в большое уголовное дело, но еще некоторое время оно будет двигаться с черепашной скоростью, поэтому ее участие там пока не требовалось.

Эйб перехватил по дороге Лиам Коннора и Тони Черутти, затем, усевшись в своем вертящемся кресле, выложил им новость о том, что у четырех Джонов и одного Джеймса Доу появился новый член семьи, Джеб.

– Похоже, теория профессора Содерстена с изнасилованием отпадает, – грустно сказал Лиам. – Мы снова возвращаемся к гомосексуальной гипотезе?

– Если и так, то никаких педерастов, понятно? Гомосексуалисты, или, как говорит профессор, геи, – сурово наказал Эйб. – Однако кастрация свидетельствует против этого, если только преступник не фанатичный гомофоб.

– Тогда в качестве гипотезы гомосексуальный мотив остается, – заметил Тони Черутти. Он был молод, красив и все еще холост, доводился родней комиссару Сильвестри, капитану Дельмонико и примерно трети полицейского управления Холломана и, хотя мог быть нетерпелив и бестактен, являлся превосходным детективом, чьей специальностью являлись уличные преступления. – Гомофобы ненавидят тех, кто скрывает свои наклонности, женятся и заводят детей. Затем, лет через десять, жена просыпается и обнаруживает, что вышла за гомика... это слово мне тоже нельзя употреблять? В общем, жизнь у нее скомкана, у детей скомкана... Да, кастрация может прекрасно укладываться в схему, если ее отец или ее брат... э... чувствует себя оскорбленным. Слово «оскорбленный» употреблять можно?

– Не умничай, Тони, – спокойно сказал Эйб.

– Ты говоришь о другой возрастной группе, Тони, – произнес Лиам, тихий, сдержанный человек, составляющий с Тони идеальный контраст. Будучи женатым, он никогда не приносил свои домашние неприятности, – если таковые у него вообще бывали, – на работу и имел мало предрассудков. – Жертвы по имени Доу слишком молоды, чтобы иметь жен и детей. Хотя и эта гипотеза должна остаться в нашем списке возможных. Если жена парня знает, что он гомосексуалист, и мирится с этим, – одно дело, но если он ввел ее в заблуждение, то когда она это выяснит, результаты просто обязаны быть неприятными во всех смыслах.

– Но не до такой же степени, чтобы привести к череде убийств. – У Эйба был скептический вид. – Я предлагаю обратить внимание на воинствующие антигомосексуальные движения, включая неонацистов и всевозможных расистских сумасбродов. Расовые предрассудки обычно связаны с другими социальными предубеждениями.

– Мы не можем исключать психопата-одиночку, – хмурясь, сказал Лиам. – Жертвы появляются поочередно, а это предполагает одного преступника.

– Совершенно верно.

Глаза Тони были закрыты – признак глубокой задумчивости.

– *Того*, кто это сделал, будет нелегко найти, – проговорил он своим привлекательно скрипучим голосом, а вот *где* это было сделано – наоборот. Гус нашел доказательства того, что этому последнему Доу на долгие периоды времени затыкали рот?

– Ткани полости рта не повреждены.

– Стало быть, место, где он содержался, было звукоизолировано на протяжении последних пары месяцев, – заключил Тони. – Призраки Курта фон Фалендорфа⁶, а? Сравнительно недавно при поисках Курта была проведена масса работы по списку «где». Нам следует взглянуть на те материалы, тогда у нас будет список возможных мест.

– Бедняги Доу, должно быть, вопили вовсю, – заметил Лиам.

– Но у нас есть список мест для проверки, – сказал Эйб. – Делия идет по следу Женщин-теней и не откажется поделиться с нами своими схемами и планами Холломана – нам они тоже пригодятся. Если бы мы работали только с документацией, я бы ее привлек, но тут речь о поиске тайного каземата. – Эйб потер руки; обнаружение тайных убежищ было его специальностью.

⁶ Отсылка к книге К. Маккалоу «Неприкрытая жестокость».

Кармайн Дельмониго имел дочь, достаточно взрослую, чтобы быть студенткой подготовительного медицинского факультета в колледже Парацельса университета Чабба, но во время школьных каникул он совершенно не видел Софию. Когда София была совсем малюткой, ее мать оставила Кармайна, чтобы выйти замуж за киномагната Майрона Менделя Мандельбаума; брак очень быстро распался, чего нельзя сказать об узах между Майроном и его падчерицей, в результате чего София выросла с двумя отцами, каждый из которых ее обожал. Предполагалось, что девушка однажды станет наследницей империи Майрона, но пока ее склонности повели ее по пути медицины; во время школьных семестров она жила с Кармайном и его второй семьей в Холломане, а во время каникул – у Майрона на Западном побережье. Обладающая блестящими способностями и трезво мыслящая молодая женщина, она была в достаточной степени избавлена от воздействия обаяния своего биологического отца, чтобы ясно видеть, как она может наилучшим образом ему помочь. И действительно помогала.

После рождения своего второго сына Алекса, появившегося на свет всего через пятнадцать месяцев вслед за братом Джулианом, у Кармайна и Дездемоны возникли неприятности. Дездемона страдала от послеродовой депрессии, которая усугублялась ее предрасположенностью к навязчивым состояниям. Будучи руководителем медицинского учреждения, с которым Кармайн столкнулся во время одного из своих расследований, Дездемона отказывалась признавать свою болезнь, и поэтому выздоровление шло медленно. Тут-то на сцену и вышла София. Дездемона, сказала Кармайну, нуждается в длительном отдыхе, во время которого ее будут холить и лелеять, а поскольку ее нельзя разделять с сыновьями, они тоже должны стать частью этого оздоровительного отпуска. Результатом стало то, что в конце июля Кармайн повез Дездемону, Джулиана и Алекса в Калифорнию; им предстояло пожить в огромном особняке Майрона столько, сколько София сочтет нужным, хотя самому Кармайну придется вернуться в Холломан по окончании своего ежегодного отпуска. Соглашение Дездемоны на такой радикальный поворот было веским доказательством того, что в глубине души она понимала, что нуждается в длительном отдыхе. Ее маленькие мальчики были слишком увлечены миром грез Майрона и поэтому не составляли проблем. При стольких удовольствиях, развлечениях, увеселительных поездках, со столькими людьми на побегушках, в любой момент готовыми исполнять любые желания, им было необязательно досаждать мамочке, которая, в свою очередь, могла наслаждаться ими, не чувствуя себя загнанной или угнетенной, как это было в Холломане.

Осведомленная обо всем этом, Делия могла приступить к своей задаче в тишине и покое. Дело Женщин-теней было трудным для расследования и по-прежнему не поддавалось анализу. Шесть дел, связанных с исчезновениями женщин, продолжали считаться открытыми, но особой срочности в их расследовании не имелось. Работа над ними позволяла Делии каждый день покидать рабочее место точно в срок и рассчитывать на свободные выходные. В данный момент это было важно, поскольку Делия завела двух новых подруг и с нетерпением ждала часов досуга.

Делия познакомилась с Джессикой Уэйнфлит и Иви Рамсботтом в Миллстоун-Бич в начале июня, когда они совместными усилиями старались спасти кошку, застрявшую на дереве и жалобно мяукающую. Конечно, когда животинка была полностью удовлетворена тем, что все три женщины ради нее честно рисковали своими шеями, она изысканно спустилась с дерева по собственной воле и полосатым пятном растворилась в голубой дали. Джесс и Иви смеялись до слез; Делия хохотала, пока у нее не закололо в боку. Этот кошачий розыгрыш произошел неподалеку от квартиры, где на правах хозяйки проживала Делия, поэтому все трое отправились туда, чтобы выпить шерри, послать за пиццей и поближе друг друга узнать. Джесс и Иви были подругами много лет. Каждая проживала неподалеку; у Джесс имелся маленький домик в квартале от дома Делии, а Иви жила в Малом Басквоше, коттедже на обширной территории,

примыкавшей к Басквош-мэнор – громадному зданию, возвышающемуся над мысом Басквош к западу от дома Делии.

– Но ты превосходишь по классу нас обеих, Делия, – со вздохом сказала Джесс. – Я бы убила за кондоминиум прямо на пляже – да еще на верхнем этаже!

– Наследство от богатой тетушки, о существовании которой я даже не знала, наличие полезных родственников и немного удачи, – радостно сообщила Делия. – Да, у меня есть все, что нужно.

– Кроме мужа? – с хитрецей спросила Джесс.

– О боже, нет. Муж мне не нужен. Я люблю свою жизнь такой, как она есть – разве что недостает двух подружек.

Все три женщины были старыми девами, что в Америке большая редкость, даже для лесбиянок. Хотя, слава богу, Делия не ощущала подводных течений, намекающих на *такое*! Это уже несколько раз разрушало зарождающуюся дружбу, ибо Делия была консервативна в своих социальных установках и вдобавок не любила, когда в ее отношения с людьми вмешивался секс со всем его (как она считала) уродством и разрушительной силой. Проще говоря, она относилась к категории тех счастливых женщин, чьи сексуальные влечения не были ни мощными, ни частыми. В своем собственном представлении она была эксцентричной чудачкой и старательно культивировала этот образ, в чем ей помогал налет английского аристократизма, обладающий и другими преимуществами. С точки зрения Делии, чем скорее после знакомства с ней люди признают ее эксцентричность, тем лучше.

Иви Рамсботтом была женщиной очень высокой, хотя при этом совершенно не грузной. Свой точный рост она назвать отказалась, но Делия определила его таким же, как рост Дездемоны, то есть шесть футов три дюйма, и приписала ей такие же спортивные наклонности. На этом сходство заканчивалось; у Иви были кудрявые золотистые, цвета спелой кукурузы, волосы, правильные черты лица и васильковые глаза. Одевалась она настолько хорошо, что ее могла затмить только Глория Сильвестри. Ее небрежный костюм-для-прогулки-по-пляжу-в-начале-лета был так совершенен, что даже безумное карабканье за кошкой не привело его в беспорядок.

– Одежда – мое ремесло, – сказала она Делии, так искусно манипулируя ломтиком пиццы, что он не осмеливался капать ей на свитер. – Я управляю одежным бизнесом своего брата.

– Какого рода одежда? – спросила Делия, которая обожала одеваться, и это обожание лишь чуть-чуть уступало ее любви к полицейской работе.

– Сейчас уже все разновидности, хотя начинал он с так называемой одежды для забытых женщин, – женщин слишком высоких, слишком толстых или в каком-то отношении непропорциональных. Почему они должны быть обречены на унылые и немодные вещи? Как бы то ни было, лишь крохотный сегмент женщин в один процент умеет носить одежду. Мне на ум приходят только Глория Сильвестри, супруга Уильяма Пейли-старшего и герцогиня Виндзорская, хотя ряд женщин, в принципе, могут с честью выдержать испытание, а несколько из них даже почти достигают совершенства. Тем не менее большинство дам выглядят как черт знает что.

– Совершенно согласна! – воскликнула Делия.

– Но больше всего, – продолжала Иви, – мой брат знаменит своими подвенечными нарядами. Я лично управляю магазином для новобрачных Ра Танаиса.

– Ра Танаис – твой брат? – взвизгнула Делия.

– Да, – ответила Иви, позавлеченная.

– У вас разные фамилии?

– Рамсботтом звучит неблагозвучно, – усмехнулась Иви. – Платье от Рамсботтома не так хорошо продается.

– Платье от Ра Танаиса – гораздо более экзотично.

– И само имя Ра Танаис экзотично, – смеясь, заметила Джесс. – Но, право же, Делия, почему простой поставщик одежды должен быть более волнующим, чем психиатр вроде меня или детектив вроде тебя?

– Дело просто в славе, больше ни в чем. А слава волнует.

– Признаю твой довод, он убедителен.

Сорокапятилетняя Джесс Уэйнфлит была стройной женщиной, но не пышногрудой, поэтому проблем с выбором одежды не знала; большинство мужчин назвали бы ее скорее привлекательной, чем хорошенькой или красивой, несмотря на ее мелкие, тонкие и правильные черты. Ее черные волосы были подстрижены очень коротко, макияж казался сдержанным и вместе с тем очень ей шел, а кремово-белая кожа наделяла ее определенным шармом. Главной же гордостью Джесс являлись глаза, достаточно темные, чтобы казаться черными, большие и нежные, как у лани.

По справедливости, Делия должна была бы столкнуться с Джесс где-нибудь по работе, но, к сожалению, этого не произошло. Доктор Джессика Уэйнфлит была директором Холломанского института для душевнобольных преступников, всегда называемого для краткости просто Холломанским институтом (или ХИ). Он находился на отшибе, к северу от Сто тридцать третьего шоссе, так как первоначально, сто пятьдесят лет назад, здесь располагалась только тюрьма для опасных преступников. Учреждение размещалось на территории в пятнадцать акров, обнесенной крепостной стеной высотой в тридцать футов, вдоль которой через определенные интервалы возвышались еще на пятнадцать футов сторожевые башни. Вскоре местные прозвали заведение Психушкой, и хотя время от времени предпринимались усилия избавиться от неофициального названия, оно сохранялось. После Второй мировой войны, во время бума строительства инфраструктурных зданий, учреждение претерпело обширные реновации и в настоящее время вмещало в себя две отдельные, но связанные между собой институции: во-первых, тут была собственно тюрьма, приспособленная для содержания мужчин, слишком психически неуравновешенных для жизни в обычной тюрьме, а во-вторых, на этой же территории в отдельном здании размещался исследовательский центр. Его-то и возглавляла Джесс Уэйнфлит.

– Бр-р! – сказала Делия, притворно содрогнувшись. – Как тебе, работая там, самой удается сохранять душевное здоровье?

– Моя работа по большей части канцелярская, – словно оправдываясь, ответила Джесс. – Я имею дело со списками, графиками дежурств, расписаниями. Интересно, однако, что обе мы задействованы в сфере применения уголовного права. Я принимаю массу потенциальных кандидатов наук, желающих проинтервьюировать того или иного заключенного, при этом некоторые из них оказываются журналистами. – Она фыркнула. – Почему люди полагают, что если ты сидишь за письменным столом, то должен быть дураком?

– Потому что они отождествляют письменный стол с бюрократическим складом ума, – хихикнула Делия. – Тогда как на самом деле, – продолжала она небрежным тоном, – я думаю, в настоящий момент ты занимаешься самоуничижением. Из ХИ выходит немало первоклассных научных работ – даже детективы стараются поспевать за литературой, касающейся определенных типов психически нездоровых преступников. Извини, подруга, ты разоблачена. Списки и графики дежурств? Чепуха! Ты наблюдаешь и отслеживаешь успехи своих подопечных.

Джесс засмеялась и вскинула вверх руки:

– Сдаюсь!

– Признаю, одна из моих задач в детективном отделе – заниматься бумажной волокитой. Это не директива сексистского начальства, а самоназначение. Мой ум как раз создан для статистики, планов, составления таблиц и всяческих словес, – поспешила пояснить Делия. – Мой босс, капитан Кармайн Дельмонико, это еще один читающий человек, хотя его сильная

сторона – крупногабаритный фолиант. Мы непременно замечаем работу таких заведений, как Холломанский институт, и познакомиться с тобой, Джесс, – истинное удовольствие.

К концу июня все трое были верными подругами и сошлись на том, что в 1970 году вместе поедут в отпуск в какое-нибудь соблазнительное место, выбрать которое им придется, лишь минувя череду споров. Они встречались по крайней мере два раза в неделю, чтобы поболтать практически обо всем на свете, при этом их излюбленным местом сбора служила квартира Делии. Малый Басквош требовал напряженного подъема в гору, а жилище Джесс, по ее собственному признанию, было сплошь завалено бумагами.

Почему ни Джесс, ни Иви никогда не были замужем, не обсуждалось, хотя Делия полагала причиной то, что они, подобно ей, жили, погруженные в свой внутренний мир. Если бы Делия когда-нибудь подвергала сомнению свой вкус в одежде, то могла бы задаться вопросом, почему одежда также не обсуждалась. Но ей попросту не приходило в голову, что Джесс и Иви избегали темы одежды из привязанности к своей новой подруге, которая, как они скоро заметили, была полностью довольна тем, как одевается.

Вынув из шести очень тонких папок шесть фотографий размером восемь на десять дюймов, Делия разложила их на столе в два ряда по три штуки, один ряд над другим, так, чтобы глаз мог ухватить их все сразу. Каждая представляла собой студийный портрет, что было само по себе необычно: большинство фотографий из досье пропавших людей представляли собой увеличенные снимки более мелких, небрежно сделанных фото. В обычных обстоятельствах имя фотографа или название фотостудии было бы обозначено где-нибудь на обратной стороне фотокарточки: резиновый штамп или подпись чернилами, или, в самом крайнем случае, какая-нибудь карандашная пометка. Но ни одна из этих фотографий не содержала ключа к имени фотохудожника. Имелась лишь произвольно расположенная стертая карандашная пометка на обратной стороне. Пол Бахман со своими криминалистами не смогли из этого что-либо выяснить.

1963 г. ТЕННАНТ, Марго. Возраст около тридцати. Каштановые волосы, карие глаза. Средние рост и телосложение. Персимон-стрит, 3/23, Кэрю.

1964 г. ВУДРОУ, Донна. Возраст около тридцати. Рыжие волосы, зеленые глаза. Средние рост и телосложение. Сикомор-стрит, 222 с, Холломан.

1965 г. ЗИЛЬБЕРФАЙН, Ребекка. Возраст около тридцати. Светлые волосы, голубые глаза. Средние рост и телосложение. 12-й этаж «Натмег-Иншуренс-билдинг».

1966 г. МОРРИС, Мария. Возраст около тридцати. Черные волосы, черные глаза. Средние рост и телосложение. Крейвен-лейн, 6, Сайенс Хилл, Холломан.

1967 г. БЕЛЛ-САЙМОНС, Джулия. Возраст около тридцати. Блондинка, голубые глаза. Средние рост и телосложение. Доминик-роуд, Долина.

1968 г. КАРБА, Хелен. Возраст около тридцати. Крашеная блондинка, карие глаза. Средние рост и телосложение. Патерсон-роуд, 5 б, Северный Холломан.

За исключением роста, телосложения и того факта, что каждой на вид было примерно тридцать лет, шесть пропавших женщин имели мало общего. Цвета волос и глаз разнились от почти черного до почти белого, проходя через рыжий и коричневый – по крайней мере, так говорили их студийные портреты. Ребекка Зильберфайн, 1965 года, была самой светлой; ее льняные волосы перемежались прядями пшеничного цвета, а глаза были такими бледными и размытыми, что выглядели белесыми. Ее нос нельзя назвать длинным – скорее широким и похожим на клюв. Мария Моррис, с почти черными волосами и глазами, имела оливкового оттенка кожу и кривовато-плоский нос. Пропавшая в 1964 году Донна Вудроу отличалась настоящими зелеными глазами, цвета скорее весенней листвы, чем более привычного грязно-защитного оттенка, а ее морковно-рыжие волосы явно не знали краски – тона хны отсутствовали. У нее была к тому же роскошная россыпь замазанных веснушек. Ни одна из них не отличалась красотой, но непривлекательными они тоже не были; в то же время ни от одной

не веяло уличной женщиной. Принятая мода подразумевала прически пышные от начеса, а густой слой губной помады скрывал природную форму губ. У следователей имелась причина поблагодарить желание каждой из пропавших женщин обзавестись своей прекрасной цветной фотографией. Вот только зачем оставлять ее после себя?

Во всех шести случаях форма черепа оказалась схожей, предполагая европеоидный кельтский или тевтонский тип. Череп выглядел очень круглым, лоб был высоким и широким, подбородок – ни выступающим, ни скошенным. О скулах судить было труднее из-за различий в весе, кроме того, вероятно, играло роль наличие зубов. Вдохнув, Делия собрала фотографии в стопку.

Ничего не было известно об этих шести женщинах, помимо имен, приблизительного возраста, лиц и последних адресов. Заявления о пропаже человека были поданы с большим опозданием: квартирные хозяева неохотно поднимают шум.

Делия снова вздохнула, сознавая, что даже просто слишком близкое знакомство с делом уже несет в себе определенную опасность.

Начиная с Марго Теннант 1963 года, в каждом случае наблюдался один и тот же ход событий. Теннант в самом начале января сняла верхний этаж старого дома на три семьи на Персимон-стрит в Кэрю; она подписала договор аренды на год и внесла наличными первый месячный взнос, а также залог возмещения убытков в размере ста долларов. Если у нее и имелась машина, то она, вероятно, была припаркована в произвольном месте на улице, поскольку никто не знал о ее местонахождении и вообще о существовании. Как квартиросъемщик, Теннант выделялась только в одном отношении: была крайне неприметна. Никто никогда не слышал из ее апартаментов музыки, телевизора или шума, она молча проходила мимо людей на лестнице и, похоже, никогда не принимала гостей. Подробности, предоставленные фирмой по аренде помещений, были скудными: женщина сообщила, что работает секретарем, предоставила в подтверждение две письменные рекомендации и водительское удостоверение и проявила себя настолько бесцветным образом, что агентству в голову не пришло проверять. В большинстве домов на три семьи арендодатель жил в том же доме, но Кэрю был районом проживания студентов, поэтому домовладелец Марго Теннант владел пятнадцатью такими же домами и держал квартирное агентство. Когда первого июля пришло время вносить квартплату за этот месяц, мисс Теннант ее не внесла и проигнорировала напоминание арендодателя. Тут выяснилось, что у мисс Теннант нет телефона – поразительная вещь! Клерк, которого отрядили заняться этим делом, нанес ей несколько визитов, но так и не обнаружил мисс Теннант на месте; в таком состоянии дела пребывали к началу августа. Девушка окончательно и бесповоротно перешла в разряд должников, и никто не мог припомнить, чтобы видел ее с июня.

Дальше ждать было нельзя: в начале сентября в связи с началом нового учебного года происходит приток свежих студентов, которые в поисках меблированного жилья наводняют квартирные агентства. Мисс Теннант надлежало съехать, и немедленно. В середине августа риелтор отправился в полицейское управление Холломана и потребовал, чтобы офицер полиции сопроводил его на квартиру мисс Теннант, поскольку опросы свидетельствовали, что ее не видели с июня, а платежи давно просрочены.

Отдел, занимающийся пропавшими без вести, пришел к тому же выводу, что и риелтор, а именно, что мисс Теннант будет обнаружена в квартире мертвой, но оказалось иначе. Слабый, но зловонный запах исходил из холодильника, где двухмесячной давности рыба и мясо находились в процессе медленного разложения. Немногие принадлежавшие мисс Теннант вещи были изъяты полицией и пролежали на складе, пока их не продали с молотка как имущество несостоятельного должника для погашения квартплаты и возмещения убытков, в данном случае относящихся к холодильнику. Указанное имущество оказалось весьма скромным: дешевый радиоприемник, черно-белый телевизор, немного одежды и коробка для сигар, украшенная искусственными драгоценностями – ни книг, ни журналов, ни писем или других личных бумаг.

Из-за холодильника не удалось выручить достаточно средств, чтобы погасить долги пропавшей Марго Теннант.

С тех пор каждый год события разворачивались по той же схеме. Жилища пропавших женщин были разбросаны по всему округу Холломан, но квартиры они снимали всегда под Новый год или в ближайшие после него дни, а в июне пропавшей женщиной вносилась последняя квартплата, после чего следовал период от шести до восьми недель, по истечении которого арендодатель подавал заявление в полицейский отдел пропавших без вести. Несколько общих подробностей придавали задаче нахождения исчезнувших женщин характер ночного кошмара, поскольку различия только подчеркивали сходство.

Отдел пропавших без вести передал дело о Женщинах-тенях в детективный отдел Кармайна Дельмонико. Это случилось, когда третья женщина исчезла из своей квартиры-студии на двенадцатом этаже «Натмег-Иншуренс-билдинг»; теперь же их количество возросло до шести. «Призрак» – так уже называли одно знаменитое дело, таким образом, это наименование не могло быть применено к делу нынешнему, но Делия предложила в качестве подходящего определения слово «тень», и дело стало называться «Женщины-тени».

Что-то происходило, но что, черт возьми, это могло быть? Комиссар Джон Сильвестри счел дело захватывающим и держал руку на пульсе во время регулярных встреч за завтраком со своими детективами. Делия, будучи его кровной племянницей, жадно стремилась предложить ему что-нибудь новенькое по делу, но до сих пор поживиться было нечем.

Одну многообещающую гипотезу высказала жена комиссара Сильвестри Глория, которая славилась тем, что была самой элегантной женщиной в Коннектикуте. Она решила, что каждая из этих женщин собиралась сделать пластическую операцию и что под своей собственной личиной была слишком хорошо известна, так что ее непременно стали бы преследовать и беспокоить, если бы новости об операции просочились. Поэтому на полгода она становилась Женщиной-тенью.

– Как тебе хорошо известно, Джон, – сказала Глория, проводя рукой по своей безупречно гладкой шее, – любая женщина в таком затруднительном положении скорее умрет, чем признается, даже под угрозой убийства.

– Да, дорогая, – согласился комиссар, поблескивая темными глазами.

– Копы ведь не нашли никакой приличной одежды, не так ли?

– Нет, дорогая.

– Тогда я права. Они все кинозвезды и светские львицы.

– Я ценю то, что ты представила мне свою теорию в письменном виде, дорогая, но почему ты подписала ее «Мод Хэтэуэй»?

– Мне нравится это имя. Глория Сильвестри приводит на ум старые водевильные программки и рыбу по пятницам.

Изыскания не выявили никаких профессиональных пластических хирургов, работающих в окрестностях Холломана. Хотя медицинский факультет университета Чабба имел достаточно профессионалов в этой сфере, все они были прикомандированы к знаменитому медицинскому пункту оказания помощи при ожогах. Старания Мод Хэтэуэй подтвердили только то, что ни одна версия не останется непроверенной.

Рассуждения Делии давно вышли за пределы практических соображений. Ее ум сфокусировался на причине: почему какой бы то ни было мало-мальски привлекательной женщине лет тридцати добровольно изолировать себя от своих собратьев – человеческих существ? Конечно, Делии доставало ума допустить следующую возможность: подобное смирение могло быть продиктовано ситуацией, когда похищен любимый мужчина, женщина или ребенок. Но это бы удлиняло цепочку вовлеченных людей, а чем больше людей вовлечено, тем выше шанс, что ситуация пойдет вразнос и преступление раскроют. Если не заложники, тогда, вероятно, угроза смерти? Но, опять же, разве женщина, терзаемая тревогой о близком человеке, не обзавелась

бы телефоном в доме? А ни у одной из Женщин-невидимок не было телефона. Имелся ли тут некий набор правил? Это наводило на мысль о настоящей мании, психопатии, полном отсутствии морали, этики, принципов. Легко навязать подобные ограничения на короткий период, но терпеть полгода пытку таких жестких правил – это слишком долго, если только человеку предварительно тщательно не промыли мозги, что казалось невероятным. Не находились ли Женщины-тени перед этим достаточно долго в заключении, превратившись в полузомби? Нет, потому что люди, с которыми они сталкивались, отзывались о них как о милых, вежливых, *обыкновенных*. Изоляция от общества же оставляет видимые шрамы.

Было нечто, что Делия называла «фактором идиота», хотя только какая-нибудь Джесс Уэйнфлит вполне поняла бы, что она подразумевает под этим термином. Делия считала, что каждое человеческое существо может быть ментально сломлено. Каждый имеет предел прочности, критическую точку, в которой ментальная пытка заставляет ум сломаться. Будучи не в состоянии справиться, человек разбивается вдребезги. В понимании Делии такой человек превращался, по выражению ее отца, в «бормочущего идиота», то есть больше не мог удерживаться в психически здоровом состоянии. Делия была уверена, что шесть месяцев безжалостной ментальной пытки должны были запустить «фактор идиота». Но какие имелись доказательства, что Женщины-тени подвергались такой жестокости? Таких доказательств не было. Делия не сомневалась, что каждая женщина начала свое странное полугодовое заточение добровольно, и в арендованных помещениях после каждой из них не осталось ничего, заставляющего предположить, что июль и начало августа чем-то отличались от более ранних месяцев.

Это говорило Делии о том, что каждая из них обладала обычным, средним интеллектом, что они удовлетворялись развлечениями, предоставляемыми радио и телевидением, и что если они и читали, то только газеты, журналы да дешевые книжки в мягких обложках, которые по прочтении выкидывались. Если они раскладывали пасьянс, играли в солитер или разгадывали кроссворды, то все свидетельства тому исчезли, так что, скорее всего, они ничего этого не делали. После них остались только дешевые, обыкновенные и неинтересные вещи: продаваемые без рецепта лекарства, косметика из супермаркета. После случая с Марго Теннант уже не нашлось и никаких испорченных продуктов, ни одна из шести не оставила после себя чистящих средств или запаса пластиковых пакетов. Произвел ли кто-нибудь уборку? Если так, то отпечаткам пальцев не уделили должного внимания, потому что в каждой квартире был обнаружен только один набор отпечатков, предположительно принадлежавших ее обитательнице. Ни один отпечаток не нашли по картотекам – тупик.

Множество людей пропадают на несколько месяцев, а потом объявляются, не желая давать никаких объяснений; отдел пропавших людей полон дел, разрешившихся именно таким образом – с помощью самого пропавшего. В этом случае досье переправляются из отдела пропавших на постоянное хранение в архив полицейского управления Холломана на Кэтербистрит. Но, каким бы невинным ни было то или иное исчезновение, досье о прекращении дела все равно оказывается толстым, благодаря биографическим данным, собранным за время следствия, которое для обеспокоенных родственников всегда тянется слишком медленно. Однако досье по делу Женщин-теней были тонкими, лишенными биографических данных: ни у одной не было прошлого и ни у одной, похоже, не намечалось будущего. Никто никогда не приходил с информацией о ком-либо из них, и быстро приближалась дата, когда должна была объявиться очередная жертва, теперь уже 1969 года.

Все они снимали квартиры в начале января, вносили плату за первый и последний месяц, исчезали к концу июня и начинали разыскиваться агентами по сдаче недвижимости в середине августа, две недели спустя после того, как заканчивался срок действия оплаты за последний месяц. Именно поэтому Кармайн подключил Делию к этому делу. Август. Кто станет следующей Женщиной-тенью? К настоящему моменту все агенты по недвижимости в административном округе были осведомлены о Женщинах-тенях и прилагали максимум усилий, изучая все

детали договоров сдачи внаем, заключенных в начале января. Всплыли два вероятных имени, но оказалось, что ни одна из этих женщин не тянет на подходящую кандидатуру. Кем бы ни была настоящая кандидатка, ее арендный договор, очевидно, где-то затерялся. Обычное дело, подумала Делия. Сегодня понедельник, четвертое августа, осталось дней десять или пятнадцать...

Детектив бросила взгляд на наручные часы. Еще час, и настанет время уходить. Жалкая маленькая стопка худосочных папок дожидалась, когда она вернет в них фотографии, но Делия вдруг решила вместо этого показать снимки новому полицейскому художнику Хэнку Джонсу.

Затем она заметила папку, которую Кармайн изъясил из хранилища на Кэтерби-стрит. Вероятно, он хотел, чтобы она заодно взглянула и на это досье. Действительно, к папке была прикреплена записка, в которой говорилось: «Наше самое знаменитое досье на пропавшего человека». О, да папка была совсем старой: 1925 год! Озадаченная, Делия подтянула ее к себе и открыла на фотографии размером восемь на десять дюймов, где крупным планом была изображена очень красивая молодая женщина – доктор Элинора (Нелл) Карантонио. Молодая, подающая надежды врач-анестезиолог из Холломанской больницы, доктор Карантонио, однажды утром должна была провести плановое обезболивание, но не явилась, и больше ее не видели.

Горделивое выражение белого лица, обрамленного модно подстриженными короткими черными волосами; темные глаза, которые ухитрились метать искры даже на фотографии... Вот уж кого никак не назовешь тенью! Такое мнение вынесла Делия из чтения досье сорока-четырехлетней давности, открывавшего обстоятельства, сильно отличавшие эту женщину от Женщин-теней. Доктор Нелл была известна, богата, вся жизнь ее была открытой и достоверной книгой. Поскольку она не оставила завещания, ее единственной родственнице, двоюродной сестре по имени Фенелла (Нелл) Карантонио, пришлось ждать семь лет, чтобы вступить во владение двумя миллионами долларов и громадным особняком на мысе Басквош. Элинора – Нелл. Фенелла – Нелл. С 1925 года и по сей день так и не было обнаружено никаких следов тела молодой женщины. Пропала она в возрасте двадцати семи лет. Вторая Нелл была девятью годами ее младше.

«Тут не найти никаких подсказок», – сказала себе Делия, собрала шесть снимков Женщин-теней и вскочила на ноги. Скорее в отдел судмедэкспертизы, где есть кондиционер и художник, которого делят между собой ведомство судмедэксперта и полицейское управление. По дороге Делия продолжала думать о самой головоломной головоломке: зачем Женщинам-теням потребовались студийные портреты? И почему они оставили их после себя?

Детектив была убеждена, что женщины мертвы, но тела так и не выплыли на свет, а ведь она прекрасно знала, что версии даже самых экстравагантных методов избавления от тел были досконально проверены. Если считать, что человеческое тело – это свыше сотни фунтов мяса и жира плюс несколько по-настоящему крупных костей, – то проблема его утилизации является настоящим кошмаром для всякого убийцы.

Как ни грустно (ибо Делия любила яркую экспансивность), но ее дело, похоже, сжималось до чего-то скучного и банального. Существовал убийца, который рыскал в поисках скромных, склонных к уединению, очень ординарных женщин и, найдя такую, делал то, к чему побуждала его фантазия, после чего убивал ее, а затем ухитрялся незаметно избавиться от тела. Аренда квартир производилась круглогодично, и в студенческом городке многие из них сдавались меблированными. Даты были его собственной причудой и не имели никакого отношения к женщинам. Делия вынуждена была признаться себе, что ее невольно тянет к более экстравагантным объяснениям этих редкостных происшествий, но такие объяснения не имели смысла.

Под струей холодного воздуха, окатившей ее, когда она через вертящиеся двери входила в отдел судмедэкспертизы, детектив решила, что дело Женщин-теней закончится жалко, уныло и никого не удовлетворит. Да что же за обвинительный акт она тут составляет со своими эпитетами?! Скучный, ничтожный, банальный. Людей лишают жизни, а она каталогизирует способы

их умерщвления по шкале славы и блеска! Что ж, Делия понимает, зачем: это поддерживает ее в напряжении, стимулирует ее активность, возбуждает энтузиазм. Пусть это легкомысленно, но как технический прием весьма эффективно.

Возраст Джинни Тоскано приближался к шестидесяти – времени выхода на пенсию, – что вызывало тихое оживление среди копов. Когда она начинала свою карьеру полицейского художника, работа была, по ее собственному выражению, гораздо более «цивилизованной». А вот то, что ее порой просили делать теперь, она находила превышающим возможности своего желудка и талантов, ибо и мир, и сама ее работа изменились почти до неузнаваемости. В данный момент, когда на службу взяли нового художника, Джинни использовала остававшееся до ее дня рождения время на очередной отпуск.

Большая студия и прилегающая к ней лаборатория-кухня прежде были со вкусом декорированы в бледно-розовом и кремовом цветах, с непременной дубовой отделкой, но сегодня, войдя туда, Делия не нашла практически никаких примет, оставшихся от Джинни. «Надеюсь, – подумала Делия, – бедняжка чудесно проводит время во Флоренции!»

Стены были почти полностью заклеены постерами без рам с изображением каких-то внеземных пейзажей. Небеса на них либо пересекали пологие кривые, напоминавшие кольца Сатурна, либо украшали два солнца или несколько лун; на переднем же плане располагались парящие разноцветные кристаллы, причудливые горы, извергающиеся вулканы или каскады радужной жидкости. На одном из постеров был изображен робот-воитель верхом на роботетирозавре на полном скаку, а на другом – полуразрушенная статуя Свободы из «Планеты обезьян». «Потрясающе!» – в восхищении подумала Делия.

Посреди инопланетного окружения работал художавый молодой человек. Он творил темным карандашом на верхнем листе большой стопки бумаги, а его модели были прикреплены к верхушке кульмана: серия фотографий Джеба Доу, а по краям ряда – по одной фотографии Джеймса Доу.

– Черт подери! – воскликнула Делия. – лейтенант Голдберг меня опередил.

Художник поднял голову, широко улыбаясь.

– Привет, Делия.

– Есть какой-нибудь шанс, Хэнк, что мне тоже можно втиснуться?

– Для тебя, крошка, я потесню кого угодно. – Он отложил карандаш и крутанулся на своем вращающемся стуле лицом к ней. – Усаживайся.

По мнению Делии, он обладал одним из самых располагающих к себе лиц из всех ей известных: озорное, счастливое, излучающее жизнь; а глаза – и вовсе незабываемы: зеленовато-желтые, большие, широко посаженные и широко раскрытые, окруженные длинными, густыми черными ресницами. Его курчавые, как у негра, волосы были светло-рыжими, а цвет кожи – как у южных китайцев. Голова была большой, но лицо, с тонкими, правильными чертами, сужалось от высокого широкого лба до острого подбородка. На каждой щеке было по ямочке; эта последняя черточка вызывала у Делии дрожь в ногах. У нее вообще от него подгибались колени – платонически, конечно.

В венах Хэнка текло столько различных кровей, что нельзя было точно определить его происхождение. То же вдвойне относилось и к произношению: его голос был неожиданно низким, а выговор совершенно лишен какой-либо характерной особенности, позволившей бы точно установить его корни. Он не перекачивал «р», как американец, не обрезал окончаний слов, как уроженец Оксфорда, не растягивал «а», как австралиец, не менял местами «о» и «у», как ланкаширец, не гнусавил, как деревенщина, – Делия могла продолжать и продолжать этот перечень, так и не находя ответа. Слышать его речь означало слышать признаки всех акцентов и никакого конкретно. Спору нет, Хэнк Джонс заслуживал изучения.

Делия выложила свои шесть фотографий на свободный угол скамьи сбоку от себя; Хэнк подкатил на стуле, чтобы рассмотреть их поближе.

– Я не уверена, что мне нужен рисунок, – сказала она. – Скорее мнение эксперта. Идиотская мода на прическу затрудняет доступ к форме черепа в первых трех случаях, но сдается мне, что она, вероятнее всего, совершенно круглая. В сущности, я пришла к выводу, что, если бы мне предстояло ориентироваться только на черты лица, во всех шести случаях я бы видела перед собой один и тот же череп, несмотря на разные носы, брови и щеки. На самом деле я хочу, чтобы ты раскритиковал одну из моих сумасшедших идей: все эти шесть женщин в действительности являются одной и той же – такой, которая искусна в использовании зубных протезов и театрального грима. Если природный цвет ее глаз светлый, она могла добиться любого цвета с помощью контактных линз, а парики и краски для волос в наше время не проблема. Так что, будь добр, скажи мне, что я просто попусту трачу время! Опровергни меня!

Взгляд Хэнка оторвался от шести фотографий и задумчиво остановился на лице Делии, причем со значительной симпатией. Он не понимал, почему, взглянув на нее один раз на парковке, проникся к ней таким расположением. Разве что его эксцентричная душа узнала сообщницу. В тот день на ней было надето «вареное» платье из тонкой кисеи в цветовой гамме из кричаще-алого, розовато-лилового и желтого; мини-юбка доходила до середины бедра, демонстрируя коротенькие ножки, обтянутые ярко-голубыми колготками, тошнотворно переливчатыми благодаря тонкости вязки. Однако, по мнению Хэнка, завершающим штрихом этого наряда стала пара черных туфель на шнуровке, которые, как детектив ему сказала, обладали и удобством, и хорошей пригодностью для погони. Когда-нибудь, поклялся себе художник, он будет иметь достаточную квалификацию, чтобы ухватить характер и отличительные черты ее лица, начиная от копны вьющихся медных волос, кончая острыми стрелками накрашенных ресниц и мясистым носом. Но как сможет он справиться со ртом, так сильно намазанным, что маленькие потеки красного прокрадывались в трещинки вокруг губ и придавали рту такой вид, словно он был наглухо зашит кровавыми нитками? Да, Делия балансировала на грани гротеска, но сила личности позволяла ей его избегать. Хэнк подумал, что ее эксцентричность определенно в его вкусе – вот только где кончается реальность и начинается фантазия? Он подозревал: чтобы выяснить это, возможно, потребуется немало времени. А между тем процесс обещал быть увлекательным.

Сегодня что-то огорчало Делию. Хэнк никогда не видел ее одетой так мрачно. Неужели она не наслаждается жизнью в отсутствие своего начальника-капитана?

Через пятнадцать минут Хэнк сложил фотографии в стопку и отдал Делии.

– Очень похожие черепа, но все же отличаются друг от друга, – сказал он. – Я понимаю, почему ты пришла к выводу, что череп один и тот же, поэтому также начну с общих черт. Этническая группа северо-западно-европейская, глаза посажены на одном и том же расстоянии друг от друга, и глазные впадины почти идентичные. Черт, как я ненавижу ретушь! Мне пришлось пронизать каждую фотографию своим рентгеновским зрением, чтобы определить истинную кромку глазной впадины, но я сделал это, крошка, я это сделал! Глаза ведь зеркало души... Ты основала свою гипотезу идентичности черепов на глазных впадинах и челюстных дугах. Но! Носовая кость и хрящевая структура разнятся от черепа к черепу. Также и ширина рта, высота наружного слухового прохода и верхнечелюстная кость, из которой растут верхние зубы. Чем ниже мы продвигаемся от лба к подбородку, тем более отчетливыми становятся различия. Сухожилия и связки прикрепляются к своим участкам на черепе в каждом конкретном случае очень по-разному. Различия в лицах всегда так или иначе уходят своей основой в кость. Мне очень неприятно, что мой истребитель заставил твой самолет сесть на брюхо, крошка, но от тебя остались только дымящиеся обломки.

Он приблизил свое лицо к ее лицу и понизил голос до шепота:

– Может, я действительно угробил тебя с этим черепом, но я бы поклялся на своей коллекции комиксов о Черном ястребе⁷, что все эти снимки сделал один и тот же парень – у него специфические особенности владения камерой.

– В самом деле?

– Готов поспорить также и на мои комиксы о капитане Марвеле⁸: это один и тот же парень, и ни разу не профессионал. Хорошая камера, но никакого освещения, кроме природного.

– Никто этого не заметил, – воодушевилась Делия, чувствуя огромную благодарность. – Мы действительно думали, что каждый портрет был сделан каким-то не очень профессиональным человеком, но фотографией занимается слишком много людей, и мы решили, что каждый снимок отличается от другого.

– Отличается, но не в существенных моментах, – уверенно сказал Хэнк.

– О, это замечательно! Это действительно, действительно многое меняет.

– Каким образом? – жадно спросил он.

– Я не буду докучать тебе, распространяясь со всеми подробностями о том, насколько скудными были наши гипотезы – порой мы чувствовали себя собаками, гоняющимися за собственным хвостом. Такие гипотезы хороший адвокат с легкостью опровергнет как выдачу желаемого за действительное. Да, у этих шести случаев имеются общие элементы: все исчезнувшие следовали одному и тому же календарю, каждая была замечена в течение полугода, затем исчезла, оставив после себя несколько дешевых предметов и лишенного двухмесячной арендной платы арендодателя. Вот и все! – запустив руки в волосы, сердито прорычала Делия. – Однако, Хэнк, есть во всем этом некий привкус, который говорит нам, что Женщины-тени связаны между собой, что здесь имеет место грязная игра и что преступник только один. Формально же имеется шесть совершенно самостоятельных дел без каких бы то ни было осязаемых доказательств связи между ними. Каждая женщина оставила после себя только одну необычную вещь – студийный портрет. Хэнк, ты проложил для нас новый путь: ты сообщил нам, что все шесть портретов сделал один и тот же человек. В качестве зацепки это может никуда не привести, но это не так важно. Важность твоего сообщения в том, что теперь мы точно знаем: все шесть случаев определенно связаны между собой и моменты сходства не случайны и не являются простым совпадением.

Она победно помахала в воздухе фотографиями.

– Дорогуша, ты просто золото! Уникальный фотолюбитель! Спасибо, спасибо, спасибо!

И Делия удалилась.

Хэнк некоторое время смотрел ей вслед, ввергнутый в состояние легкой оторопелости – так этот детектив влияла на многих. Улыбнувшись и пожав плечами, он подкатил свой стул обратно к чертежной доске и стопке бумаг. Сейчас он работал над черепом Джеба Доу, потому что его труп был самым свежим. Хэнк нашел карандаш 6В, который перед этим стесал под нужным углом, и насмешливо хмыкнул себе под нос.

Всего мгновение, подумал Хэнк, и перед ним уже обратная задача: только что он обдирает плоть с черепов Делии и вот уже наращивает плоть на черепе Джеба. Мать честная, ну и клевый же у него способ зарабатывать себе на жизнь! Не сравнить с изображением белозубых улыбок в рекламном агентстве – а ведь он чуть было не пошел туда. Кто сказал, что изучение анатомии по трупам есть потеря времени по сравнению с натурным классом? Если бы Хэнк не пробирался тайком в анатомический театр медицинского факультета, его бы здесь сейчас вообще не было.

Вторник, 5 августа 1969 года

⁷ Вымышленный персонаж, герой одноименной серии комиксов о летчиках Второй мировой войны.

⁸ Вымышленный супергерой, персонаж комиксов, провозглашенный в своих приключениях «сильнейшим в мире смертных».

Хотя из-за непроглядной тьмы было трудно получить хоть какое-то представление о размерах помещения, в котором он находился, Эйб Голдберг, искушенный в таких делах, понимал, что оно огромно. Он сидел в одном из рядов, – судя по ощущению, театральных, – приведенный сюда гибким молодым человеком, который встретил его у парадного входа. Этот гибкий молодой человек проводил его через невообразимых размеров дом, затем вниз по пандусу, открыл дверь в эту темноту, шепнул: «Подождите!» – и исчез.

Раздался какой-то голос, проговоривший с усталым смирением:

– Освещение дай.

Часть черноты залилась фиолетовым светом, который осветил громадный золотой трон, занятый голым бесполом манекеном, и подсветил какое-то ложе в глубине.

Царила тишина. Кто-то издал мелодраматический вздох, затем усталый голос заговорил снова:

– Возможно, тебя это шокирует, Питер, но правда состоит в том, что ты не способен осветить даже собственную задницу.

Чьи-то еще голосовые связки что-то проскрипели, но этот скрип был перекрыт голосом Усталого, который продолжал, не обращая внимания:

– Я понимаю, что это музыкальная комедия, Питер, но данная песня идет под занавес первого акта. Это хит всего спектакля – или, по крайней мере, на этом настаивают авторы. – Голос набрал силу. – Король Кофетуа охвачен безнадежной страстью, дорогой Питер. *Безнадежной страстью!* Сервилия, девушка-рабыня, только что велела ему отстать и протанцевала прочь, воспевая своего пастушка и совершенно не соображая своей пустой головкой, что на самом деле он ассирийский волк, использующий ее, чтобы внезапно напасть на королевскую овчарню. Ты следишь за моей мыслью? Улавливаешь главную суть? Король Кофетуа в меланхолии! Я не говорю, что ты должен осветить его мертвенно-бледным светом. Но, во имя богини Иштар, зачем ты сделал его лиловым? То, что ты создал, выглядит как будуар Вельзевула, заблеваный виноградным соком! Настроение, дорогой Питер, настроение! Это не освещение, а кошмар! Меня самого сейчас стошнит!

В ответ скрипучий голос перешел в страдальческое всхлипывание, а голос доминирующий, похоже, подпитывался этими звуками, пока не потерял всю свою усталость. Неожиданно он прокричал:

– Зажгите свет! – И тут же все помещение, в котором сидел Эйб, вдруг озарилось благоденственным сиянием.

Взору Эйба предстало то, что, по его предположению, было всей сценой целиком, в ее голом беспорядке. Пространство уходило вверх футов на сорок, и его верхняя половина представляла собой нагромождение брусьев, перекладин, подъемных конструкций, рядов осветительных приборов на тонких стальных балках, рабочих мостков и стен из ящиков и всевозможной машинерии. Кулисы, как он с восторгом обнаружил, составляли единое пространство с глубиной сцены. Его подкованный в механике глаз распознал гидравлические подъемники – и дорогие! Это вам не самодеятельный театр, а настоящий храм Мельпомены, который конструировали, не считаясь с издержками, и он превосходил даже некоторые крупные бродвейские театры. Но все-таки помещение не являлось театром в полном смысле: зрительный зал был ограничен, пожалуй, пятьюдесятью креслами партера.

Хозяин голоса направлялся к Эйбу, рядом с ним шел тот самый гибкий молодой человек, видимо, собираясь ввести лейтенанта в курс дела. Эйб взирал на них в благоговейном трепете.

Этот человек, не менее шести с половиной футов роста, был одет в черно-белое японское кимоно с изображением водяных птиц на пруду с лилиями, а на ногах носил шлепанцы без задников; распахиваясь при каждом резком шаге его ног-ножниц, кимоно обнажало черные в обтяжку брюки. Его телосложение казалось слишком крупным, чтобы иметь право называться великолепным, в то же время он вовсе не был тучным. «Моя няня назвала бы его «основатель-

ным», – подумал Эйб, – баскетболист, а не футболист». Ступни размером со шлюпку. Золотистые, цвета спелой кукурузы, коротко подстриженные курчавые волосы, вызвавшие у лейтенанта укол зависти. Бетти удалось наконец заставить Эйба отрастить его белокурые, редкие волосы так, чтобы они закрывали уши и шею, и он ненавидел этот новый фасон. А здесь к нему приближался знаменитый на весь свет человек, щеголяющий короткой со всех сторон стрижкой! У этого парня точно не было жены, во всяком случае именно такое впечатление он производил. Черты его лица отличались правильностью, и их выражение позволяло предположить добрый характер, хотя, конечно, внешность бывает обманчивой; Эйб решил не спешить с вынесением вердикта. Глаза были большие и прекрасные, цвета небесной лазури, придававшего им выражение невинности.

Как же, спрашивал себя Эйб, прикажешь соединить этот ореол доброты с его желчными репликами? Разве что, подумал он, правила поведения в театральном мире изрядно отличаются от обычных. Артистический темперамент и все такое.

Мистер Гибкий как раз двигался в направлении плачущей фигуры Питера, бездарного осветителя, на ходу утешая его и призывая успокоиться.

Поднявшись на ноги, Эйб протянул вперед правую руку.

– Лейтенант Эйб Голдберг, полицейское управление Холломана, – сказал он.

Огромная рука поглотила его ладонь и сердечно ее пожала, затем Голос придвинул к себе секцию соединенных между собой сидений и уселся напротив Эйба. Что-то сверкнуло, когда он производил эти манипуляции; Эйб моргнул, ослепленный. У этого человека в правой мочке уха был чистейшей воды бриллиант в два карата, но больше никаких украшений, даже перстня.

– Ра Танаис, – представился он.

– Простите мне мое сыщицкое любопытство, сэр, но Ра Танаис – это ваше настоящее имя?

– Как оригинально вы это сформулировали! Нет, лейтенант, это мое профессиональное имя. Я был крещен как Герберт Рамсботтом.

– Крещен?

– Русские обряды. Возможно, до приезда на остров Эллис⁹ Рамсботтом был Раскольниковым. Герберт Рамсботтом¹⁰, вы можете это себе представить? Средняя школа была сплошной чередой кличек, но наибольшим успехом у всех пользовалась Герби Овцежоп. К счастью, я не входил в ряды тех бедных, презираемых аутсайдеров, которых порой задразнивают буквально до смерти. – Голубые глаза озорно блеснули. – У меня было остроумие, рост, добродушие – и Руфус. Даже самый злобный из шайки моих гонителей имел достаточно мозгов, чтобы понять: я могу сам выставить его на посмешище. Я ломал себе голову в поисках нового имени, но ни одно не звучало для меня подходяще, пока однажды, пролистывая книги в библиотеке, я не наткнулся на атлас древнего мира. И нашлось!

– Что нашлось? – спросил Эйб после минутного молчания, ценя тот факт, что (редкое удовольствие в трудовых буднях детектива) он находится в присутствии истинного рассказчика со значительной эрудицией.

– Семейное предание гласит, что мы происходим из казачьей страны в окрестностях Волги и Дона, поэтому я посмотрел на земли древних варваров и обнаружил, что Волга называлась Ра, а Дон – Танаис. Ра Танаис – превосходно! Вот так я нашел свое новое имя.

– Надо быть профессором античной литературы, чтобы догадаться, сэр.

– Да, для мира это тайна, – согласился Ра Танаис.

⁹ Остров Эллис, расположенный в устье реки Гудзон в бухте Нью-Йорка, был самым крупным пунктом приема иммигрантов в США, действовавшим с 1892 по 1954 г.

¹⁰ Дословно фамилия «Рамсботтом» звучит приблизительно как «Бараний зад».

Эйб бросил взгляд туда, где мистер Гибкий завершал оказание помощи негодяю-осветителю, и теперь, судя по всему, собирался присоединиться к ним. Беспощадно яркий свет показал всю мнимость сложившегося у Эйба впечатления о Гибком как о юноше. Мистер Гибкий был на редкость хорошо сохранившимся человеком лет сорока. При своих шести футах роста он казался невысоким, только когда стоял рядом с Ра Танаисом, но никакое другое слово, кроме как «гибкий», не могло описать его тело и то, как он перемещал его в пространстве. Медно-рыжие волосы, болотного цвета глаза и сдержанная, но эффектная подмалевка глаз. Красивые руки, движения которых были похожи на движения балетного танцора. Каковым он, вероятно, и являлся.

– Подойди и познакомься с лейтенантом Эйбом Голдбергом! – громко позвал его Танаис, и, когда мистер Гибкий приблизился, приглушил свой тон. – Лейтенант, это моя незаменимая вторая половина, Руфус Ингэм. – Неожиданно он разразился бас-баритональной песней, а Руфус Ингэм подпевал ему чистейшим дискантом.

– Мы вместе уже сорок лет, и нам не надое-е-ело!

Изумленный Эйб почтительно засмеялся.

– Руфус тоже пришел в мир не с этим благозвучным именем, – сказал Танаис, – но его подлинное имя – секрет.

Руфус оборвал его – не сердито, но совершенно твердо. Так кто же из них был главным?

– Нет, Ра, мы говорим не с Уолтером Уинчеллом, а с лейтенантом полиции. Право же!

Меня звали Антонио Карантонио.

– Зачем пытаться это скрывать, мистер Танаис?

– Ра, зовите меня Ра! Вы хотите сказать, что не знаете?

– Не знаю чего?

– Это *Тот самый Дом!* Карантонио *То самое Имя!* Эйб... можно мне называть вас Эйб?

Эта история сейчас уже вошла в мифологию Басквоша, ее даже рассказывают в экскурсионных автобусах. Я уверен, в полицейском управлении Холломана имеются многочисленные досье по этому делу. В двадцать пятом году, еще до того, как мы с Руфусом появились в проекте, владелица этого дома и двухмиллионного состояния исчезла с лица земли, – зловещим голосом сказал Ра Танаис. – Через семь лет ее объявили мертвой, и наследство перешло к матери Руфуса. Первоначальной владелицей была доктор Нелл Карантонио, а мать Руфуса была еще одной Нелл Карантонио.

– Я Карантонио, потому что я незаконнорожденный ребенок, – обронил мимоходом Руфус. – Я не имею представления, кто мой отец. Моя мать записала его в моей метрике так: имя – Не, фамилия – Известный.

Ра перехватил у него повествование:

– Фенелла, мать Руфуса, – умерла в пятидесятом году, но, в отличие от первоначальной Нелл, она оставила завещание. Антонио Карантонио Четвертый, то есть Руфус, унаследовал все. – Ра издал один из своих вздохов, воздев обе руки в воздух. – Можете себе это представить, Эйб? Вот они мы, наша сладкая парочка, с этим ангаром вместо дома и вагоном денег! Фенелла увеличила накопления первой Нелл в пять раз и содержала дом в образцовом состоянии. Наши головы всегда были набиты мечтами, и в то время мы уже положили нашему делу хорошее начало, но внезапно у нас оказались капитал и помещение, чтобы делать все, что нам захочется.

– А чего вам хотелось? – спросил Эйб.

– Заниматься дизайном. Гламурная одежда для так называемых непривлекательных женщин, во-первых. Затем свадебные платья. После этого пошли сценические костюмы и, наконец, сценография. Замечательно! – пропел Ра.

– Замечательно, – эхом отозвался Руфус.

– Давайте выберемся отсюда и выпьем эспрессо, – предложил Ра.

Вскоре Эйб обнаружил, что пьет отменный кофе в маленькой комнате рядом с кухней размером с ресторан; стулья здесь были обиты искусственной леопардовой кожей и изобиловали золоченой резьбой, шторы были парчовые, черные в золотую полосу, а пол – из рыжевато-бежевого с черными вкраплениями мрамора. «Не хватает только Мэй Уэст¹¹», – подумал Эйб.

– Чем была хороша Фенелла – Нелл Вторая – так это тем, что она одобряла геев, – сказал Руфус. – Она была хорошей матерью.

– Перестань болтать, Руфус! Пусть человек изложит свое дело.

Эйб сделал это сжато и точно, не уверенный, что слухи о шести неопознанных телах проникли в столь высокие гомосексуальные круги. Ни он, ни его команда никогда не приближались к Ра и Руфусу, но слухами земля полнится.

– Вскоре у меня появятся по крайней мере два портрета последних Доу, и я пришел спросить, не согласитесь ли вы на них взглянуть, – заключил он. – Понимаете, эти Доу были тем, что моя племянница называет «потрясающе привлекательными». Согласно мнению экспертов, они не были... э... геями, но всем им было лет по двадцать, и вполне вероятно, что они могли стремиться к сценической карьере или к карьере киноактера или модели. Миссис Глория Сильвестри посоветовала мне поговорить с вами.

Лицо Ра просияло.

– Эта женщина – нечто особенное, не правда ли? Она ведь шьет всю свою одежду, знаете ли, так что я сопровождаю ее по домам тканей. Непогрешимый вкус!

– Пусть человек изложит свое дело, Ра, – мягко сказал Руфус и перехватил инициативу. – Я знаю, что она имела в виду. Через нас всегда проходит масса юных созданий, которые изучают ремесло. Находясь в семидесяти милях от Нью-Йорка, Холломан является идеальной отправной точкой перед тем, как окунаться в кошмар большого современного города. Мы видим и девушек, и юношей. Они задерживаются у нас от недели до года, и я рад, что вы обратились к нам в первую, а не в последнюю очередь. Вероятно, мы сможем помочь, но даже если и нет, мы будем держать глаза и уши открытыми.

Эйб поставил свою кофейную чашку и поднялся.

– Могу я вернуться с портретными набросками, когда наш полицейский художник их закончит?

– Конечно, – дружелюбно сказал Ра.

По пути к выходу у Эйба мелькнула мысль, и он спросил:

– Как там Питер, незадачливый осветитель, он в порядке?

– О, конечно, – ответил Руфус. Казалось, он удивлен тем, что кто-то вспоминает о таком ничтожестве. – Он тянет крепкий скотч.

– Вы пристроили к дому театр?

– В этом не было необходимости. – Руфус открыл парадную дверь. – Имелась бальная зала, размером почти что с Уолдорф¹² – можете себе представить, *бальная зала*? В Басквоше бесновались дебютантки.

– Осмелюсь сказать, так и было в конце XIX – начале XX века, – широко улыбнулся Эйб, – но я понимаю, почему вы, джентльмены, нашли театр гораздо перспективнее. Спасибо за уделенное время и за кофе.

Из окна оба партнера по дизайну наблюдали, как худошавая фигура Эйба движется к респектабельного вида полицейской машине без опознавательных знаков.

– Он очень, очень умен, – сказал Руфус.

¹¹ Мэй Уэст (1893–1980) – американская актриса, драматург, сценарист и секс-символ, одна из самых скандальных звезд своего времени.

¹² Фешенебельная нью-йоркская гостиница «Уолдорф Астория».

– Определенно достаточно умен для того, чтобы отличить пайетки от стекляруса. Руфус, любовь моя, я предлагаю нам быть чрезвычайно отзывчивыми и услужливыми.

– Что меня беспокоит, так это то, что мы ничего не узнаем! – досадливо воскликнул Руфус. – Геи не пользуются популярностью в этом месяце.

– И в этом году тоже. Не важно, мы можем попробовать. – Последовал один из тех самых, бурных вздохов, голос Ра снова сделался усталым. – А пока что, Руфус, нам надо разобраться с морем выблеванного виноградного сока. – Он вдруг остановился, как громом пораженный. – *Золото!* – прорычал он. – Золото, золото, золото! Когда богатейший король в мире хандрит от неразделенной любви, он делается Скруджем Макдаком и купается в золоте, золоте, золоте!

– Открыть повсюду сундуки с сокровищами!

– Водопад золотой мишуры!

– Он должен барахтаться на исполинской пух-груше, набитой золотыми монетами, хотя такую нелегко будет изобразить убедительно...

– Нет, не пух-груша! Озеро золотой пыли у подножия водопада из мишуры, дубина! Он купается в своей печали!

Руфус хихикнул.

– Ему придется затянуться в трико, а не то мишура будет проникать во все отверстия.

Ра заревел от смеха.

– Разве Роджеру Дартмонту привыкать? Он и так испражняется фиалками – а будет золотом, это даже лучше.

Продолжая смешливо похрюкивать над стареющей бродвейской звездой, бессмертным Роджером Дартмонтом, Ра Танаис и Руфус Ингэм вернулись к работе, вдохновленные, охваченные свежим энтузиазмом.

Едва вернувшись со своего собеседования с дуэтом дизайнеров, Эйб отправился прямо-ком к Хэнку Джонсу.

– Как дела, Хэнк?

Карандаш продолжал двигаться по бумаге.

– У меня есть предложение, сэр.

– Валяй.

Художник отложил карандаш и слегка постучал рукой по двум рисункам голых черепов, лежащих бок о бок на чертежной доске.

– Черно-белые карандашные эскизы тут не помогут, сэр. Джеймс и Джеб будут иметь разные лица, но однообразие выразительных средств уменьшит различия и сделает сходство преобладающим. Они очень похожи по типу, это то, что я называю «тип Тони Кертиса»¹³. Мне нужно выделить индивидуальность каждого. Вы улавливаете, сэр?

– Называй меня Эйб, Хэнк. Ты такой же профессионал в своем деле, как я в своем, так что формальности не обязательны.

Чего Эйб не мог сказать вслух, так это того, что начинает осознавать их невероятную удачу в том, что им удалось заполучить Хэнка Джонса, явно слишком хорошего для такой оплаты и статуса. Хэнк оказался не только необычайно одаренным художником, но также думающим молодым человеком. В сентябре у Эйба будет совещание с Кармайном и Гусом, затем они смогут пойти к Сильвестри, чтобы добиться для Хэнка повышения должности и оплаты.

– Что ты предлагаешь? – спросил он.

– Чтобы я вместо рисунков в карандаше сделал портреты красками, – горячо и нетерпеливо сказал Хэнк. – О нет, не масляными! Акриловые хорошо подойдут, они моментально сохнут. Каждый Доу будет иметь присущий ему цвет волос, модную стрижку, которая была в том году, и правильные оттенки кожи. Глаза я бы сделал голубыми, как у Джеба. – Хэнк пере-

¹³ Американский актер, пользовавшийся широкой популярностью в конце 1950-х и начале 1960-х годов.

вел дух. – Я знаю, быстрота работы входит в мои должностные обязанности, но, честное слово, я работаю быстро, даже красками. Будь у вас цветные портреты хотя бы Джеба и Джеймса, людская память лучше бы срабатывала, уверен в этом. Но это действительно займет несколько дополнительных дней.

Эйб одобрительно похлопал художника по спине.

– Правильно, Хэнк! Это блестящая мысль. – Он улыбался, собрав морщинки в уголках глаз. – Если у тебя в конюшне есть чистокровка, не впрягай ее в повозку. Применяй свои таланты, для того они и существуют. Работай столько, сколько тебе нужно.

– С Джебом до пятницы, – ответил обрадованный Хэнк.

В деле же поисков подземной темницы положение оказалось куда мрачнее. Лиам и Тони в поте лица разыскивали подходящие места для такого каземата, но визит Эйба в Басквош-мэнор развеял все сомнения относительно этого дома; его колоссальные крыши скрывали не подземные камеры, а полномасштабную театральную сцену, оснащенную внизу сценическим трюмом и оркестровой ямой. Все пространство использовалось, акустика была великолепной – нет, Басквош исключался из перечня возможных кандидатур. Когда был похищен Курт фон Фалендорф, детективы обшарили округ Холломан на предмет звукоизолированного погреба, что значительно упростило нынешние поиски. Большинство строений уже внесли в список и проинспектировали. Камера, где томился Фалендорф, с тех пор была заделана. Ни один местный подрядчик не соорудил нигде звуконепроницаемой студии, а те новые погреба, что появились с тех пор, представляли собой обычные подвалы. Военные реликвии вроде дотов не подвергались переоборудованию, а театры в таком городе, как Холломан, где имелись три репертуарные труппы и факультет драмы и где постоянно проходили театральные пробы, постоянно использовались по назначению, как и Басквош.

– Хреново, – сказал Тони Эйбу.

– Темница где-то здесь, – упрямо ответил тот.

– Иголка в стогу сена, – бросил Лиам, такой же раздраженный, как и Тони.

– Давай рисуй, Хэнк Джонс, – пробормотал себе под нос Эйб.

Суббота, 9 августа 1969 года

Иви Рамсботтом пригласила Делию «на целый вечер развлечений» в Басквош-мэнор, и Делия была поставлена в тупик. Приглашение свалилось как снег на голову в прошлый четверг, и у детектива не оставалось времени выбрать себе хороший наряд, а ведь хозяевами вечеринки будут сами Ра Танаис и Руфус Ингэм. Как ни странно, именно Джесс Уэйнфлит накануне за ленчем в ресторане «Лобстер Пот» все ей объяснила.

– Нет, Делия, ты не должна отклонять приглашение, – заявила Джесс.

– Думаю, должна. Я совершенно не знаю брата Иви и его друга. Если я приду, это будет выглядеть так, словно мной движет вульгарное любопытство.

– Ну что за глупости! Обычно они приглашают заранее, но сейчас, по словам Иви, причина в том, что сценография нового мюзикла Ра безнадежна. Поскольку Ра и Руфус заядлые тусовщики, они устраивают вечеринки по любому поводу, им нравится проводить время с людьми и нравится, чтобы приглашенные были им под стать, – сказала Джесс, прихлебывая искрящуюся минеральную воду. – Я познакомилась с ними на одной из таких вечеринок, и Руфус – из уважения к моей профессии, полагаю, – объяснил мне вот что: любая успешная вечеринка нуждается в определенном количестве шероховатостей. Рецепт предусматривает одного новичка и нескольких гостей, немного раздражающих остальных. Добавьте их к тусовке, сказал Руфус, и вечер не останется забытым. – Джесс скроила гримасу. – Мой старший персонал почти неизбежно выступает в роли тех нескольких гостей, которые всех раздражают. Они у меня народ серьезный и приходят только для того, чтобы угодить мне.

– Как необычно! – Делия смотрела на подругу, заинтригованная. – Если ты все это знаешь, зачем так стараешься для хозяев?

– Потому что они двое милейших парней на свете, я нежно люблю их, а больше всего люблю Иви. – Большие темные глаза смотрели мягче, чем обычно; для Джесс явно было важно, чтобы собеседник понял ее мотивы. – Я очень хорошо знаю наименее привлекательные черты своего характера, из которых самая худшая – исключительная степень неэмоциональности. Это обычная вещь у людей, страдающих, как я, навязчивым неврозом. Моя привязанность к Иви, Ра и Руфусу важна для меня, я скорее осчастливлю их, чем доставлю удовольствие самой себе. Поэтому я побуждаю свой старший персонал посещать празднества в Басквош-мэнор, даже если им это не нравится.

– По мне, это скорее звучит так, что ты не любишь свой старший персонал, – заметила Делия.

Джесс разразилась журчащим смехом, глаза излучали веселье.

– О, браво, Делия! Ты абсолютно права. Кроме того, вечеринка у Ра и Руфуса – это радость, и как только моя банда оказывается там, она уже всю наслаждается. Просто они ненавидят, когда их выдергивают из привычной обстановки.

– Тогда они тоже страдают навязчивым неврозом.

– Несомненно страдают! Но, пожалуйста, приходи, Делия.

– Что мне следует надеть?

– Все, что захочешь. Мы с Иви наденем длинные вечерние платья, не опасаясь жары – Басквош-мэнор полностью оснащен кондиционерами. Ра и Руфус облачатся в черные брюки и свитера, Боб Тирни – в смокинг, Николас Греко будет выглядеть как реклама Сэвил-роу¹⁴. Моя банда будет одета попроще и преимущественно в белое – немой протест против того, что их заставили прийти.

В результате этого ленча Делия изнемогала от любопытства и, конечно же, согласилась, сообщив о своем решении секретарю. Детектив обшарила несколько своих шкафов в поисках чего-нибудь интересного, что подошло бы для этого, судя по всему, беспредела портновского искусства и стиля. Она нуждалась в приятном времяпрепровождении, ей было необходимо отвлечься.

Напряженное расследование дела Женщин-теней так и не обернулось успехом. Сделавший портреты фотограф не обнаружился: теперь фотоателье имелись лишь у признанных мастеров и отыскать одного из многочисленных вероятных дилетантов практически невозможно. Ведь любой потенциальный художник мог позволить себе купить превосходную однолинзовую зеркалку и дать рекламное объявление в «Желтых страницах». Разница в ценах на свадебные фото между одним из таких предприимчивых фотографов-любителей и признанным профессионалом медленно вытесняла последнего с рынка. Так что большую часть времени Делия потратила на обзванивание этих так называемых фотографов из «Желтых страниц». Некоторые из них даже пришли в здание окружной администрации взглянуть на портреты, но никто не признался в том, что их сделал.

Прибыв на место в своем красном «Мустанге», Делия обнаружила, что места для парковки располагались на внушительной территории поместья. Это была широкая гудроновая площадка, расчерченная белыми линиями и так удачно укрытая за высокой живой изгородью, что оказывалась вне поля зрения из разбитого рядом ландшафтного сада того типа, который не требует внимания и сосредоточенной работы специалиста: лужайки, кустарники, редкие деревья. Когда-то Басквош-мэнор, стоящий на гребне мыса между небольшой Басквош-бей и Миллстоун-Бич, был окружен участком в десять акров, но на стыке девятнадцатого и двадцатого столетий уголья были разделены, и четыре акра распроданы участками по одному акру.

¹⁴ Улица в центральном Лондоне, известная главным образом фешенебельными мужскими портными.

Сам дом был громадный, хотя мансардные окна третьего этажа заставляли предположить, что там располагалось помещение для слуг, поэтому на долю семьи оставалось самое большее два лестничных пролета. Делия прикинула, что, исключая третий этаж, первоначально тут могло располагаться примерно пятнадцать спален.

Детектив больше привыкла видеть тыльную сторону Басквош-мэнор, потому что та выходила на Миллстоун-бич, где на береговой линии стоял ее дом. С тыла особняк представлял собой гораздо менее приятный вид, включающий в себя уродливое множество покатых крыш, напоминающих кинотеатральный комплекс в торгово-развлекательном центре. От Иви Делия узнала, что крыши обладали столь значительными размерами из-за расположенного внутри театра и, главным образом, из-за гигантской сцены. Сам дом был выстроен из известняковых блоков и щедро оснащен высокими, широкими окнами. Где ему самое место, решила Делия, так это в Ньюпорте, на Род-Айленде¹⁵.

Внутри дом обнаруживал уникальный взгляд и вкус своих владельцев, и то, что при меньшем понимании и вкусе казалось бы вульгарностью, здесь было поднято на уровень роскошного величия, от которого захватывало дух. Если бы Делия только знала, что каждый предмет мебели и каждая портьера когда-то служили украшением какой-нибудь бродвейской сцены в те дни, когда бутафория делалась по особому заказу мастерами высокого класса и использовались исключительно наилучшие материалы. Богатое цветковое оформление выглядело роскошно. Тут были кресла в форме сфинксов, львов и крылатых ассирийских быков; стены оказывались обширными зеркалами, которые своими многочисленными отражениями проникали почти в бесконечность. Одна комната была полностью выложена розовой кованой медью. Разинув рот, Делия шагала по мраморным или мозаичным полам, пялясь на бесценные персидские ковры, и спрашивала себя, уж не попала ли она в зазеркалье, в иную вселенную. Не сказать, что она была незнакома с богатыми убранствами или с дворцами-усадьбами, но тем не менее чувствовала, что Басквош-мэнор – это невозможная фантазия.

Нос Делии оказался почти на уровне пупка Ра Танаиса; ей пришлось запрокинуть голову далеко назад, чтобы увидеть его лицо, озаренное изнутри тем, что она приняла за теплые, дружественные эмоции. Он подал детективу изящный хрустальный бокал белого вина; пригубив, она поняла, что вино отменное.

– Дорогая, вы великолепны! – воскликнул он. – Как посмела Иви вас прятать? Идите, познакомьтесь с Руфусом.

Тот уже поджидал ее, и при виде гостыи на его красивом лице нарисовалось остолбенелое выражение. Слои оборок из органзы красновато-лилового, кислотно-желтого, оранжевого и розового цветов. Ошеломленный, он споткнулся.

– Делия, дорогая, это моя вторая половина, Руфус Ингэм. Руфус, это подруга Иви Делия Карстерс. Разве она не великолепна?

– Никогда не меняйтесь! – выдохнул Руфус, целуя ей руку. – Это платье *изумительно!* – Он потянул ее в сторону, к полосатому дивану периода Регентства¹⁶ и сам сел рядом с ней. – Я *должен* знать, дорогая, где вы покупаете свою одежду?

– Швейный квартал в Нью-Йорке¹⁷, – сказала Делия, сияя, – но как только я привожу вещи домой, я разрываю их на части и делаю более интересными.

– В этом весь фокус. Что за взгляд у вас – полностью индивидуальный! Никто другой никогда не смог бы иметь успех в этом платье, но вы покоряете его, как Мерман¹⁸ песню. – Он улыбнулся, лаская ее взглядом. – Дорогая, очаровательная Делия, вы знаете здесь кого-нибудь?

¹⁵ Ньюпорт – город, центр одноименного округа штата Род-Айленд. Знаменит как популярное место летнего отдыха, а также своими виллами, известными как Мансионы Ньюпорта.

¹⁶ Стиль эпохи Регентства – английский ампи́р в архитектуре и мебели (конец XVIII – начало XIX в.).

¹⁷ Название района г. Нью-Йорка в центре Манхэттена, известного как центр пошива модной женской одежды.

¹⁸ Этель Мерман (1908–1984) – американская актриса и певица, одна из самых знаменитых бродвейских исполнительниц

– Иви и Джесс, но, кажется, я приехала раньше них.

– Превосходно! Тогда вы принадлежите мне. Видите вы обветшалого старого джентльмена, позирующего под портретом миссис Сиддонс¹⁹?

Стремительно влюбляясь – безнадежно, но платонически – в Руфуса, Делия с интересом посмотрела на указанного пожилого, любезного и изящного человека.

– Я чувствую, что мне следует его знать, но его имя не приходит мне на ум.

– Роджер Дартмонт, который скоро будет петь у нас партию короля Кофетуа.

– Тот самый Роджер Дартмонт! – У нее отвисла челюсть. – Я не знала, что он такой... э... пожилой.

– Это подлинно он, очаровательная Делия. Бог разбил его форму на миллион кусочков, затем явился Люцифер и снова склеил их вместе, но в той же манере, в какой Исида склеила Осириса – невозможно найти фаллос.

Делия хихикнула.

– Это проблема, если его имя Роджер²⁰. – Взгляд Делии скользнул дальше. – Кто эта леди, что выглядит как лошадь, поедающая яблоко сквозь изгородь из провололочной сетки?

– Ольга Тирни. Одна из жен, моя дорогая. Ее муж – продюсер бродвейских постановок, включая и того недоноска, над которым мы работаем сейчас. А вон и он, тот, что в смокинге и похож на жокея. Они раньше жили в Гринвиче, теперь у них один из островов неподалеку от нашего мыса Басквош. – Подвижные черные брови Руфуса выгнулись дугой. – Роскошное место – или стало бы таковым, если бы Ольга не была такой пресной. – Он понизил голос: – Ходят слухи, что Боб Тирни неровно дышит к несовершеннолетним девочкам.

– Остров, – задумчиво проговорила Делия, – подошел бы превосходно.

Что-то в ее тоне побудило глаза Руфуса цвета хаки настороженно метнуться к ее лицу.

– Превосходно? – переспросил он.

– О, уединенность, звуковая изоляция и все такое, – туманно ответила она.

– Восхитительная Делия, чем зарабатывает себе на жизнь упоительно одетая дама с оксфордским акцентом в городке Лиги плюща?²¹

– Ну, она может обсуждать Шекспира со студентами последнего курса Чабба, или заправлять элитным борделем, или работать с электронным микроскопом, или... – Широкая улыбка расцвела на ее лице, когда она сделала драматическую паузу. – ...она может быть сержантом отдела убийств в полиции Холломана.

– Фантастика! – воскликнул он.

– Я не под прикрытием, дорогой Руфус, но я также не афиширую свою профессию, – сурово сказала Делия. – Ра вы можете сообщить, но я бы предпочла быть для всех остальных... о, хозяйкой элитного борделя или специалистом по Шекспиру. Как только люди узнают, что я коп, они занимают оборонительную позицию и автоматически цензурируют свой разговор. Были бы вы так откровенны, если бы знали?

На лице Руфуса появилась медленная улыбка.

– Грешным делом, вероятно, да. Я имею достойную сожаления склонность высказывать то, что думаю. Ну не превосходно ли это выражение? Я, как попугай, собираю способы высказывать всякое. Но если серьезно, буду нем, как могила. Однако ваша привлекательность растет с каждой новой порцией информации, которую вы мне скормливаете. Я обожаю необычных людей! – Его лицо изменилось. – Вы здесь по работе?

Делия была шокирована.

XX века.

¹⁹ Сара Сиддонс (1755–1831) – знаменитая британская актриса.

²⁰ Устаревший эвфемизм для обозначения полового члена, аналогичный современному «Дик».

²¹ Лига плюща – ассоциация восьми частных американских университетов, расположенных в семи штатах на северо-востоке США и отличающихся высоким качеством образования.

– О боже мой, нет! Я бы никогда не пришла сюда, если бы не знала Иви. Боюсь, мои полицейские дела такие же ветхие, как Роджер, хотя признаю, что детектив никогда не снимает своей шерлок-холмсовской шляпы. Так что, когда слышу что-то интересное, я заносу это в свое мысленное досье. У нас полно старых дел, которые мы никак не можем закрыть.

– Возраст, – изрек Руфус с великой торжественностью, – это самый худший преступник из всех, тем не менее он постоянно уходит от наказания. А! Вот входят Корнблюмы! Бен и Бетти. Она – та, что в норковой шубе до полу, а он – тот, что с бриллиантовым кольцом на мизинце. Бетти – единственная причина, по которой следовало бы запретить кондиционеры: они побуждают ее в августе носить норку в помещении. Это не выглядело бы так скверно, не будь она привержена к двухцветной норке – вылитая сиамская кошка.

– А она держит сиамских кошек? – спросила Делия.

– Двух. Сунь Ятсена и мадам Чан Кайши²².

– А чем Бен зарабатывает на бриллиантовые кольца?

– Продюсирует театральные постановки и фильмы. Он еще один спонсор. У них раньше был пентхаус на Парк-авеню, – непринужденно сказал Руфус, – но сейчас они живут в Доме Смита; вы его знаете – тот, что запрятан в расщелине Норт-Рок.

Делия выпрямилась.

– Смитов дом, неужели? М-м! Уйма уединенности. Есть ли у мистера Корнблюма какие-нибудь отвратительные секреты?

– Он любит лошадок намного больше сиамских кошек.

– Игрок? Наездник? Приверженец зоофилии?

– Дорогая, вы очаровательны! Лошадки, которых он любит, находятся в заднем ряду кордебалета.

– Я думала, их называют танцовщицами.

– Нет. Танцовщицы умеют танцевать, они стоят в первом ряду.

– Но Холломан не богат танцовщицами.

– Вот и Бетти так думала. Чего она не приняла в расчет, так это того, что в Холломане тысячи красивых девушек в разнообразных школах. Бен посещает занятия по всему: от машинописи до танцев и любительской фотографии.

Очень большая комната начинала казаться переполненной; по помещению рассеялись примерно двадцать человек, погруженных в беседу, уснащенную смехом, остротами, и, Делия была готова поклясться, сплетнями. Все они хорошо знали друг друга, хотя некоторые по прибытии вели себя так, словно значительное время прошло с того момента, как они в последний раз видели окружающие лица.

Верный своему слову, что Делия принадлежит ему, Руфус Ингэм повел ее знакомиться с присутствующими, снабжая информацией с таким простодушным видом, что ни один из гостей, знакомясь с ней, не имел ни малейшего понятия, что Руфус направляет разговор так, чтобы выжать из него максимальные сведения для сержанта полиции.

Из-за своего миниатюрного роста, Делия сомневалась, что сумеет когда-нибудь близко подружиться с Ра Танаисом, но зато была уверена, что это возможно с Руфусом Ингэмом. В случае с Ра пришлось бы постоянно напрягаться, чтобы охватить такого крупного персонажа. Политические карикатуристы иногда рисовали рослого генерала Шарля де Голля с кольцом облаков вокруг шеи, и Ра рождал такое же впечатление у Делии. В то же время Руфус вызывал эмоции, которые кричали о дружбе, старой, как мир; познакомившись с ним, детектив уже не могла представить свою жизнь без него. Будь Хэнк Джонс того же возраста, что и Руфус, он

²² Сунь Ятсен (1866–1925) – китайский революционер, основатель партии Гоминьдан, один из наиболее почитаемых в Китае политических деятелей. Чан Кайши (1887–1975) – военный и политический деятель Китая, возглавивший Гоминьдан после смерти Сунь Ятсена; президент Китайской Республики, маршал и генералиссимус.

бы встал с ним в один ряд. Как странно, что в пределах одного лишь короткого лета Делии посчастливилось встретить двух столь интересных ей мужчин – ничего подобного не случилось с ее первых дней в Холломане. Подруги были важны и необходимы, но друзей-мужчин удавалось найти куда труднее. Очень счастливая, Делия позволяла знакомить себя с остальными гостями.

Детектива поразила Симонетта Беллини (урожденная Ширли Натт). Главная модель Ра Танаиса для свадебных платьев, она была высокой, худой и двигалась с бесподобной грацией. Ее по-скандинавски светлые цвет волос и тон лица придавали ей ореол девственной невинности, которую не могло нарушить даже открытое в обтяжку платье. Симонетта могла бы носить и мешок из рогожи, решила Делия, и все равно выглядеть как невеста.

– Черт, испорченная вечеринка, – простонала она, когда Руфус отошел, чтобы поохотиться на новую дичь.

– Что, простите? – спросила Делия, озадаченная.

– Явятся противные мозгоправы. Ра говорит, на такие сборища мозгоправы обязательно должны приходить, но они портят все веселье, – сказала Ширл. – Они смотрят на нас, будто на зверей из зоопарка.

– Мозгоправы к этому склонны, – согласилась Делия, насторожившись. – А зачем их непременно надо приглашать?

– Без понятия, – ответила Ширл.

По словам Джесс, Ра и Руфус приглашали психиатров ради их способности служить источником шероховатостей в обществе, а если верить Симонетте/Ширл, они действительно воспринимались как раздражители.

– Ты говоришь, на такие сборища, Ширл, а есть и другие виды сборищ? – спросила Делия.

– О, множество. Но мозгоправы приходят только на такие.

Типичная невеста, подумала Делия: газовая вуаль не только на голове, но и в голове.

И пока Руфус водил детектива от гостя к гостю, она заметила, что антипатия к «мозгоправам» была повсеместной. Настолько повсеместной, что она начала задаваться вопросом, насколько правдивыми были объяснения Джесс. Стали бы два таких любезных мужчины омрачать свою вечеринку ради ментальной стимуляции? Это казалось сомнительным, а значит, Ра и Руфус приглашали психиатров на определенный вид сборищ, чтобы сделать приятное Иви, которая умоляла их об одолжении доставить удовольствие Джесс. Пока что это была обычная вечеринка человек на пятьдесят; напитки и легкие закуски, за которыми далее, очевидно, последует фуршет, но народ все прибывал. Тут имелись и тайны, но они, похоже, были сфокусированы на Иви и Джесс, которые не являлись хозяйками этого дома, как и не оплачивали расходы на вечеринку.

Пока Делия перемещалась в пространстве и выдавала все подходящие к случаю банальности, мысли ее были заняты Иви и Джесс. «Я гораздо чаще вижу с Джесс, чем с Иви, – думала она, – отчасти это происходит по моему выбору, но отчасти причина в самой Иви: она часто ездит в Нью-Йорк, связана обязательствами с Ра и Руфусом – не только благодаря кровному родству, но и бизнесу, – и живет далеко, на холме. Джесс живет за углом, наши профессии слегка связаны, и график работы позволяет совместные ленчи раз или два в неделю. И хотя Иви не настолько гигантских размеров, чтобы быть отталкивающей для такой карлицы, как я, нет сомнения, что существует невидимая граница. И она столь потрясающе хорошо одета! Забавно, что тетушка Глория Сильвестри не устрашает меня, когда дело касается одежды, в отличие от Иви. В ней есть черта холодной отчужденности. Нет, это неверное слово. Лучше подойдет слово «непроницаемая». Тем не менее мне она чрезвычайно нравится, я имею в виду настоящую Иви, скрывающуюся за тем, что ею не является. Иви знакомо страдание, ей доводилось переносить душевные травмы. Я не чувствую этого в Джесс, чьи травмы, как мне кажется,

были связаны с профессиональной сферой: ее пол препятствует продвижению ее способностей. Иви же была травмирована морально, душевно...»

Перед носом Делии щелкнули тонкие пальцы, и раздался смех Руфуса.

– Спуститесь с небес на землю, очаровательная Делия! Я бы хотел познакомить вас с Тодо Сатарой, нашим хореографом.

Перед этим он смеялся над шуткой в компании Роджера Дартмонда и Долорес Кенни, имевшей на сцене не меньший успех; потом те отошли, а Тодо остался. Вероятно, сценическое имя, подумала Делия, поскольку человек не выглядел по-восточному: среднего роста, балетные движения тела, лицом слегка похож на Рудольфа Нуриева – татарин? От его энергии и сексуальности у нее захватило дух, несмотря на то что дни, когда сам он танцевал, явно прошли. Выражение его черных глаз было беспокойным; у детектива возникло впечатление, как от встречи с пантерой, не евшей несколько недель.

– По праву Делия принадлежит Иви и Джесс, – сказал Руфус, собираясь последовать за знаменитыми певцами, – но пока они не приехали, она моя, и я не уверен, что собираюсь ее возвращать.

Какой лакомый кусочек в разговоре бросить Тодо, чтобы сделать ему искусный комплимент?

– Я так восхищаюсь великими танцовщиками! – восторженно выплеснула она. – Самое крохотное их движение – чистая визуальная поэзия.

Он проглотил все это с довольным видом.

– Мы такие, какими создает нас Бог, – вот так просто, – сказал Торо с чистейшим акцентом штата Мэн. – На самом деле вы двигаетесь очень хорошо – решительно и строго, как высокопрофессиональная школьная учительница. – Зловещие глаза удовлетворенно оценивали ее. – Вы очень обманчивы, дорогая. Под оборками вы чрезвычайно подтянутая и, как я подозреваю, проворная. Готов поспорить, вы пробегаете сотню ярдов просто в мгновение ока.

Передав мысленный привет Хэнку Джонсу, она усмехнулась.

– Вы второй человек с рентгеновским видением, которого я встречаю за неделю! Мой лучший результат на ста ярдах действительно был поразительно быстрым, но тогда я тренировалась. О, это далось мне нелегко!

– Я мог бы научить вас некоторым чудесным комедийным хореографическим номерам.

– Спасибо, любезный сэр, я смогу обойтись и без них.

– Жаль, у вас есть сценическое обаяние. Не пытайтесь сказать мне, что проводите часы досуга в скучной серой комнате, в качестве интеллектуального развлечения глядя в телевизор, – я вам не поверю.

– Возможно, вы правы, – сказала она с жеманной напускной скромностью.

У двери, ведущей из холла, возникло какое-то движение; Тодо Сатара напрягся.

– О черт! Фальшивые фанфары, и входят наши лунатики.

Под какофонию приветствий вошли шесть человек. Ра и Руфус проводили их туда, где можно было оставить некоторые личные вещи, обмениваясь поцелуями с вошедшей Иви и пожимая руки остальным, включая Джесс. Это было интересно: шаткий альянс между семьей Иви и Джесс Уэйнфлит?

Иви, как обычно, взяла приз за лучший наряд – кобальтово-синее креповое платье длиною в пол; сама Делия же решила, что Джесс в своем темно-красном шелке просто великолепен. Обе они, стоя рядом, совершенно затмили жен миллионеров.

Остальные четверо вновь пришедших были психиатрами, троих из которых детектив уже встречала за ленчами в ресторане «Лобстер Пот». Номером четвертым, как она сейчас узнала, оказалась психиатрическая медсестра по имени Роуз, которая буквально вчера вышла замуж за старшего помощника Джесс и, соответственно, стала называться миссис Аристид Мелос. Двое мужчин были в белых тропических костюмах, две женщины – в белых платьях до колен. Это

было не то чтобы больничное обмундирование, но определенно неуместное в этом тщеславном доме, с его тщеславными людьми. Что ж, эти люди – мозгоправы, поэтому играли в некую манипулятивную игру, догадалась Делия, и если в детстве их учили хорошим манерам, уроки не пустили корни. Они держались обособленным кланом и не нуждались в поощрениях, чтобы есть и пить; теперь, когда они прибыли, начался фуршет.

Тодо и Руфус повели Делию в буфетную и наполнили ее тарелку лакомствами: лобстером, креветками, икрой, хлебом с толстой коркой, неопишимо вкусными соусами и всем самым лучшим, с чем в этой комнате было приятнее всего общаться. Затем, с полными тарелками, все трое отправились к маленькому столику, как раз с тремя стульями. Идеально для беседы, но пока еще рано, подумала детектив, глядя во все глаза, а усики ее антенны тем временем подрагивали в полной боевой готовности.

Доктор Аристид Мелос, старший помощник, был худой и смуглый человек лет сорока с небольшим. Странно, что почти всем действующим лицам было в районе сорока. Его лицо выглядело невзрачным, выражение его – суровым, а глаза очень удобно скрывались за очками в роговой оправе с толстыми линзами. Его новоиспеченная жена относилась к суетливому, бурлящему типу, но Делия чувствовала, что, если заглянуть в ее бледно-серые глаза, особого веселья не ощутишь. Светлый цвет лица Роуз выиграл бы от розовой одежды; белый же просто обескровливал ее до окраса известковой статуи.

Двое других психиатров тоже являлись семейной четой: доктор Фред и доктор Мойра Кастильоне. От них исходило ощущение продолжительного брака, благословленного парой детишек. Делия знала, что Джесс ценила пару Кастильоне больше, чем Мелоса, которого находила упрямым и наделенным узостью взглядов. Мойра была рыжеволосой и кареглазой, имела простое лицо и мало обаяния, тогда как Фред оказался общительным и кипел энтузиазмом. Он обладал даром казаться внимательным слушателем, хотя слушал ли он на самом деле, оставалось неясно, поскольку глаза его ничего не выдавали. Как большинство супружеских пар, занимающихся одним и тем же делом, они действовали как команда, сообща обсуждали новые идеи и понимали друг друга с полуслова.

Трапеза закончилась, Тодо отклонялся, и Делия начала свои расспросы.

– Руфус, почему вы с Ра приглашаете джессовых мозгоправов на свои, как Ширл их называет, сборища?

– А, вы уловили отрицательную обратную связь.

– Что за вздор! Надо быть мертвым, чтобы не уловить эмоций, которые так сильны. Ваши люди сильно не любят джессовых мозгоправов.

– К несчастью, это так, – сказал Руфус со вздохом. – Это имеет прямое отношение к музыке, к комфорту Джесс и в конечном счете к нашему долгу и любви по отношению к Иви. Это берет начало в 1962 году, когда мы пригласили Джесс на вечер, очень похожий на этот. Она вернулась в ХИ, восторженно о нем отзываясь, и ее старший персонал вбил себе в головы, что они тоже должны быть приглашены. Поэтому они начали ее донимать.

– Из-за того что их не пригласили на вечеринку, устраиваемую людьми, которых они не знали? Личными друзьями Джесс, не связанными с ее работой?

– Вы лучше поймете это, когда вечер закончится, – заверил Руфус. – И я бы предпочел, чтобы вы на собственном опыте пережили то, что будет происходить. Пережили с тем же самым неведением, которое в свое время было у Джесс, поэтому сейчас я не хочу ничего объяснять. Просто поверьте мне на слово: Джессовы психиатры почувствовали себя обойденными и сочли, что они заслуживают того, чтобы их приласкали. – Он пожал плечами, иронически усмехаясь. – Производственная ситуация может быть некомфортной, когда люди, которые считают себя незаменимыми, вбивают себе в головы, что их недооценивают. Они жаловались и ворчали.

– Джесс очень сильная и достаточно безжалостная женщина, – не унималась Делия, не убежденная его доводами. – Специалисты старшего звена, ведущие себя как дети? В качестве объяснения, Руфус, это слабо, хотя я не сомневаюсь, что именно такое объяснение было скормлено вам с Ра. И, возможно, Иви тоже.

– Аргумент принят. Лично я склонен думать, что Ари Мелос или один из Кастильоне подловили Джесс на бюрократической оплошности, объяснять которую она сочла затруднительным.

– Вот это более вероятно. Преступники, которым положена смертная казнь и которые заключены вместо этого на пожизненный срок как психически больные, становятся пациентами заведений, подобных ХИ, и бумажная работа там – настоящий кошмар, – усмехнулась Делия. – Вы раззадорили мое любопытство. Я умираю от желания выяснить, в чем специфика такой вечеринки. Должна признаться, что прибытие психиатров немного походит на нашествие бабочек-капустниц на оранжерею с орхидеями.

К детективу направлялись Джесс и Иви, и Руфус удалился.

– Вы обе выглядите сенсационно, – улыбнулась она, целуя Джесс в щеку и, слегка подпрыгнув, Иви в подбородок.

– Извини, что мы так поздно, – сказала Джесс. – Конференция.

– В августовскую субботу?

– Или в августовское воскресенье, – сухо ответила Джесс. – Не говори мне, Делия, что с тобой такое не случается.

– О, понимаю. Я обожаю Ра и Руфуса.

– Я знала, что они тебе понравятся, – сказала Иви.

– Быть может, это даже лучше, что ты познакомилась с Ра и Руфусом без нашей моральной поддержки, – прибавила Джесс, загадочно поблескивая черными глазами. – Сразу видно: ты находишься в своей стихии. Извините меня, девочки, я вижу великую Долорес Кенни. – И Джесс отошла со взволнованным видом.

Несмотря на свой сногшибательный внешний вид, Иви казалась... несчастной?... нездоровой?... встревоженной? Что-то с ней было не так, хотя Делия полагала, что это не имеет отношения к Ра, Руфусу, Джесс или вечеринке. Возможно, она почувствовала себя вовлеченной в ситуацию, которую спровоцировали мозгоправы Джесс? Но почему она должна переживать на этот счет сильнее, чем Джесс? Вне зависимости от того, как, вероятно, чувствовала себя Джесс в 1962 году, когда произошли эти непредвиденные осложнения, к 1969 она явно примирилась с ситуацией.

Делия дотронулась до руки Иви.

– Ты хорошо себя чувствуешь, дорогая?

Взгляд красивых голубых глаз опустился, останавливаясь на лице Делии. В глубине их застыло испуганное выражение, затем они начали наполняться слезами. Прекрасно накрашенный красный рот на миг дрогнул, затем стало видно, как Иви взяла под контроль свои непокорные эмоции и улыбнулась.

– Да, Делия, я в порядке. Но спасибо за беспокойство. Ты очень восприимчивый человек.

– Я бы не стала делать таких далеко идущих выводов, дорогая, но я могу отличить, когда люди, которых я люблю, встревожены.

– Встревожены... Да, встревоженность – это хорошее слово для моего душевного состояния. Это сугубо личное, и к завтрашнему дню я буду в полном порядке. Ты веришь в добро и зло? Я имею в виду то, чему нас учили в первом классе?

– Ты хочешь сказать, прежде, чем мы поняли важность серого цвета?

– Да, именно. – Она пригубила martini. – Отойдем вон туда на минуту, не возражаешь? Никто нас не заметит.

Заинтригованная и взволнованная, Делия последовала за своей возвышающейся над ней подругой к двухместному викторианскому диванчику «тет-а-тет», с сиденьями, разделенными подлокотником и обращенными в разные стороны. Он был заткнут в угол и частично скрыт изящными листьями кудрявой пальмы. Детектив села напротив Иви, при этом головы их почти соприкоснулись. «Как это по-викториански! – подумала Делия. – Нижние части тела отстранены друг от друга, а верхние – в тесном соседстве. Поддерживает целомудрие во влюбленных парочках!»

– Что случилось? – спросила Делия, ставя их бокалы на широкий подлокотник, отделяющий ее от Иви.

– Я значительно старше Ра, – начала Иви, – и Айвор, наш отец, был шофером, телохранителем, смотрителем имения и бог знает кем еще у Третьего Антонио Карантонио.

Значительно старше сорока лет? Потрясенная, Делия уставилась в находящееся перед ее глазами лицо, но не смогла разглядеть ни единой приметы возраста.

– Я живу в Малом Басквоше всю свою жизнь, – продолжала Иви, не замечая ощущений, которые она возбудила в Делии. – Наша с Ра мать была... недалекой женщиной – она не умела ни читать, ни писать, и ей едва удавалось вести дом. Когда в двадцатом году Антонио Третий умер и ему наследовала доктор Нелл, Айвор продолжал хозяйничать у нее. Заметь, она редко там бывала – университет и медицинский факультет имели для нее приоритетное значение. Я обожала доктора Нелл! Когда она исчезла, мой отец словно обезумел, хотя я только потом поняла: он ожидал быть упомянутым в ее завещании, и все его неистовое поведение означало, что он просто искал это самое завещание. Что ж, завещания не нашлось, поэтому ему пришлось заискивать перед новой наследницей, Фенеллой – тоже Нелл.

Делия беспокойно огляделась, не уверенная, куда именно ведет эта история, и начиная задаваться вопросом, стоит ли ее излагать в столь людном месте. Иви же продолжала подтверждать впечатления Делии.

– Мой отец был очень странным человеком. Он был гетеросексуалом и одновременно гомосексуалом... – Она с удивленным видом осеклась, когда Делия схватила ее за руку. – Что такое?

– Иви, сейчас не время и не место. Ты свободна завтра? Могла бы ты прийти ко мне на ленч и там все рассказать?

Лицо Иви словно обвисло от облегчения. И сразу же Делия заметила на нем если и не все дополнительные годы, то хотя бы часть из них.

– О да! Я приду.

С улыбкой оставив Иви на попечение группы моделей, Делия присоединилась к докторам Кастильоне. От них ей не было нужды скрывать свою профессию; благодаря Джесс они знали, что она коп.

– Видно, вы не чувствуете себя здесь рыбой, выброшенной из воды, Делия, – сказала доктор Мойра. – В этом зверинце вы как дома.

– Вы так это видите? Как зверинец?

– Мойра имеет в виду, – встрял доктор Фред, – что вы чрезвычайно умны и изобретательны.

– Но зверинец? – настаивала Делия.

Доктор Мойра издала сдавленный смешок.

– Так или иначе, скопище извращенных животных.

«Я начинаю понимать, почему их не любят, – подумала Делия, – они держатся снисходительно. Я бы побилась об заклад, что их квалификация очень заурядна, но относится ли это к Ари Мелосу? Бедная Джесс! Зарплаты в сфере общественного здравоохранения не обеспечивают блестящих помощников».

– Извращенных в смысле гомосексуальных? – спросила она.

– Извращенных в смысле экстравагантных, – пояснила доктор Мойра.

– Зачем приходить, если эти люди не вашего типа?

Кастильонес уставились на детектива, как если бы она сама была... с чужинкой.

– Наша неизменная страсть, – ответил доктор Фред.

– А именно?

– Музыка. Мы с Мойрой стараемся сформировать оркестр Холломанского института – я дирижирую, она играет на скрипке. Музыка действительно смягчает свирепую душу.

– Восхитительно, – сказала Делия.

Подожли доктор Ари Мелос и его новобрачная, оба пили красное вино; Мелос был очень рад находиться здесь, но Роуз выглядела не в своей тарелке.

– Прием в салоне Ра – для меня одно из важнейших событий в году, – сказал Мелос, – и я не могу дожидаться, когда Роуз испытает то, о чем она пока только слышала. Какие там сегодня припасены угощения, хотел бы я знать.

И Кастильоне нехотя кивнули.

«Так-так, мы продвигаемся вперед, – подумала Делия. – Все это имеет отношение к музыке».

Подожел Тодо Сатара. Вознамерился поставить присутствующих в неловкое положение? Делия опередила его, надеясь перевести разговор в другое русло.

– Как много заключенных психлечебницы являются пациентами Холломанского института, доктор? – спросила она, напустив на лицо заинтересованное выражение.

– Все, если мы пожелаем, – ответил Мелос, очевидно, не ведая о недоброжелательстве Тодо. – Однако одновременно в программах Института активно участвуют не более двадцати человек. Вы, конечно, знаете, сержант, что «Правило Макнатена»²³ настолько архаично, что вердикт «невиновен по причине невменяемости» крайне редок – слабоумие проявляется в полной мере после того, как тюремный срок вступает в действие. Всякий заключенный в нашей психиатрической лечебнице является клинически больным, что дает нам обворожительно богатый выбор пациентов.

На него ястребом налетел Тодо.

– Ужасная работа, – заявил он. – Как вам удастся сохранять хладнокровие, проводя сеанс лечения с человеком, страдающим манией убийства?

– Что вы говорите! – воскликнул Мелос. – Сразу чувствуется несведущий обыватель. Порой мне кажется, что широкая публика до сих пор верит, что тюремщики носят стальные доспехи и обуздывают заключенных с помощью водяных шлангов. Обитателей больницы должным образом подготавливают к сеансам. Если нужно дать им успокоительное, оно дается. Это не опасная работа, Тодо. В сущности, она, скорее, скучная.

Инициативу перехватил доктор Фред.

– Холломанский институт финансируется штатом, и федеральное финансирование имеет одну цель: убрать насильственное, социопатическое преступление из имеющегося у человечества списка видов социально неприемлемого поведения. Когда-нибудь мы научимся излечивать физиологически склонных к насилию преступников.

– Ну конечно! – с воинствующим видом презрительно усмехнулся Тодо. – Сейчас так бывает, ребята, что какого-нибудь убийцу, орудовавшего топором, выпускают на свободу как излечившегося. И что же он делает первым делом, оказавшись вне тюремных стен? Убивает новых людей своим любимым топором. Психиатры берут на себя роль Бога, а это очень опасная роль.

²³ Вкратце правило гласит, что если человек по причине какого-либо психического заболевания во время совершения правонарушения не понимал разницы между правомерным действием и неправомерным или не знал, что совершаемое им действие неправомерно, то он не может нести ответственность за свои поступки.

Но Ари Мелос и доктор Фред только рассмеялись.

– Вините во всем прессу, Тодо, а не психиатров, – сказал Мелос. – Ни один журналист никогда не потратит времени на освещение тысяч успешных случаев. Известность получает какой-нибудь один из миллиона провальный случай.

К разговору присоединилась доктор Мойра.

– Выпустить заключенного на свободу не во власти психиатра, – сказала она. – Чтобы освободить пациента, считающегося опасным для общества, приходится предпринимать многочисленные и мучительные шаги. Консилиумы, комитеты, экспертные группы, проверки, приглашенные консультанты, изнурительные обследования, исследования и тесты – список почти бесконечен. – Вид у нее был самодовольный. – К тому же вопрос освобождения заключенных Психушки никогда не рассматривается. Холломанский институт, как жену Цезаря, не в чем упрекнуть.

Атмосфера оживилась; теперь, когда разговор коснулся их работы, в настроении мозгоправов наступил перелом. Если бы только, подумала Делия, они могли отбросить этот налет превосходства, они бы завоевали некоторое количество фанатов, но они, увы, не могли. Она встретила взглядом с Джесс, также слушающей, и увидела в глазах подруги отражение собственных чувств; Джесс тоже порицала снобизм своих коллег.

– Я никогда не понимал идеи использовать доллары налогоплательщиков на создание заведений, подобных ХИ, – высказывался Тодо, наслаждаясь собой. – Я хочу сказать, разве не скверно, что за государственные средства приходится содержать невменяемых преступников, не обеспечивая при этом услуг здравоохранения обычным гражданам? Я слышал, что ХИ имеет современную больницу, где можно лечить все от сердечного приступа до цирроза печени.

Неожиданно в разговор вмешалась Роуз.

– Но что тут можно поделать? – спросила она, чувствуя себя в своей стихии. – У нас цивилизованная страна, людей необходимо лечить. Но какая больница сможет справиться с беспокойными пациентами, к чьему разуму взывать бесполезно? Институт – это тюрьма, и больница общего профиля была добавлена к нему, чтобы защитить общество. Наш научно-исследовательский отдел опять-таки совершенно обособлен, так же, как и его финансирование. – Ее довольно ординарное лицо покраснело.

«Мать, защищающая своих детенышей, – подумала Делия, – ей в новинку все это, и она негодует на критику».

– Тут дело не в альтруизме, Тодо, – твердо сказала Мойра. – Кто-то должен делать эту работу. Стоимость долгосрочного – нет, пожизненного! – заключения настолько астрономическая, что мы вынуждены искать и находить какие-то ответы, или, по крайней мере, заставлять налоговые деньги работать эффективнее.

– Наша работа чрезвычайно ценна для общества, – заявил Ари Мелос. – В долгосрочной перспективе именно подразделения вроде ХИ сделают проблему невменяемых преступников менее затратной.

«Думаю, – сказала себе Делия, – я только что услышала все типичные аргументы, всплывающие всякий раз, когда эти две столь разные группы людей собираются вместе. Ра и Руфус приглашают психиатров ради Иви, желающей угодить Джесс, которая хочет доставить удовольствие своему персоналу. И все это имеет отношение к музыке».

В районе шести, когда солнце еще ярко сияло на небе, жалюзи и шторы были ненавязчиво спущены и большая комната погрузилась в полутьму. В ноздри Делии проник весьма обольстительный аромат лосьона после бритья – примета Николаса Греко, с которым она столкнулась лишь мимоходом. Бухгалтер корпорации Ра Танаиса носил костюмы, приобретенные на Сэвил-роу, и, бесспорно, являл собой самого хорошо одетого мужчину, какого Делии доводилось видеть, и, как она подозревала, был абсолютно незаменим.

– Руфус выдал строгие указания, – сказал он, взяв детектива под левый локоть. – Я должен усадить вас в кресло Фенеллы – оттуда самый лучший вид.

Люди занимали места по всей комнате, без какой-либо системы или метода, обходя лишь это небольшое кресло, имеющее скамеечку для ног, а поперек спинки с мягкой набивкой – табличку со словом «Занято». Усевшись в него, Делия получила ничем не нарушаемый вид на большую восьмиугольную нишу, где помещались рояль, арфа, барабаны и пюпитры. Даже лицо Бетти Корнблум в образе сиамской кошки приобрело взволнованное выражение, и психиатры, сгрудившиеся вместе, были явно воодушевлены.

Обычная, хотя и роскошная вечеринка превратилась в то, что во времена пребывания Делии в Оксфорде называлось словом «салон».

Начало положил Руфус, сыграв на рояле Шопена – так, что мог бы привести в восторг аудиторию Падеревского – блистательно! Уж не этим ли он зарабатывает себе на жизнь? Один из стройных официантов подхватил скрипку, и Руфус перешел к бетховенской пятой сонате для скрипки и фортепьяно; публика была так поглощена музыкой, что сидела, почти не дыша. Роджер Дартмонд пел, Долорес Кенни пела, и они закончили дуэтом. Тодо танцевал с группой официантов, мужчины исполнили ошеломительный атлетический номер, женщины – чувственный танец, затем и те и другие танцевали вместе что-то балетное и грациозное.

С паузами и антрактами это продолжалось пять часов, и к концу вечера Делия полностью поняла, почему психиатры постоянно выклиничивали приглашения. Оказаться в числе избранных, которые присутствуют на таких первоклассных представлениях в уютной интимности салона, было событием настолько незабываемым, что за это – простите за гиперболу – можно было убить. Делия знала: этот вечер останется в ее памяти навсегда. Если что-то и озадачивало ее, так это высокомерие психиатров, которые, похоже, не улавливали, что им оказывают честь; судя по всему, они скорее думали, что им все должны. И это, решила она, не имеет никакого отношения к психиатрии. Это имеет прямое отношение к складу ума людей, которые, имея они такую возможность, удалили бы всякую исключительность с лица земли. Салон Ра и Руфуса был исключительным, и им удалось в него вторгнуться. На чьей же стороне при этом оказывалась Джесс?

– Это было абсолютно волшебно, – прощалась с хозяевами вечера Делия, – и я хочу, чтобы вы знали: я чрезвычайно благодарна вам за приглашение. Честное слово, я не воспринимаю привилегию как нечто само собой разумеющееся.

Глаза Ра блеснули.

– Мы с Руфусом жадные, дорогая, – сказал он. – Обычные концерты такая скука! Парковка, толпы, кашель, круговорот незнакомых людей, и программа никогда не соответствует вашему вкусу. Салоны – это всегда потворство собственным желаниям. Никакие презренные деньги не переходят из рук в руки, исполнители, которые любят исполнять, делают то, что им хочется, – бесподобно!

– Даже психи упивались, – с притворной скромностью заметила она.

– Бедняжки! Такие смертельно серьезные!

– Вы были концертирующим пианистом, Руфус? – спросила Делия.

– Никогда, очаровательная Делия! Слишком каторжный труд. Нет, я люблю играть, и я слежу за упругостью рук, но жизнь слишком разнообразна, чтобы складывать весь свой запас жертвенных агнцев на один-единственный алтарь. Я играю, чтобы доставить удовольствие себе, а не другим.

– Если вы способны есть тяжелую британскую пищу, я бы очень хотела пригласить вас двоих к себе на обед, – с некоторым смущением сказала она.

– С удовольствием придем, – ответил Ра, но вид у него был настороженный. – Э... а что такое тяжелая британская пища?

– Сосиски и картофельное пюре на первое – за сосисками я езжу к мяснику неподалеку от Баффало. А на десерт пудинг с изюмом и сладким соусом.

– Как можем мы отвергнуть пудинг с изюмом? – серьезно произнес Ра. – Особенно со сладким соусом.

Делия вручила Руфусу свою визитную карточку.

– Выберите день и позвоните мне, – широко улыбнулась она.

Воскресенье, 10 августа 1969 года

Джесс Уэйнфлит не держала ничего относящегося к своей профессиональной жизни в принадлежавшем ей маленьком домике, в одном квартале позади Миллстоун-Бич; этот дом был чисто формальной данью необходимости иметь частный адрес. Когда в 1960 году построили ХИ, она боролась за квартиру в этом же здании, однако ее доводы отвергли на том основании, что ее собственное душевное здоровье будет лучше всего защищено, если она станет жить за пределами служебной территории. Будучи уведомлена об этом решении, Джесс восприняла его с достоинством и немедленно приобрела домик в Миллстоуне, недалеко от Психушки – стоило лишь немного проехать на машине по пересеченной местности.

Джесс признавала, что это помещение пришлось очень кстати; там можно было сложить ее огромную коллекцию газет, журналов и книг, там находился ее гардероб, там имелись приспособления для стирки, и это был ее почтовый адрес. Не было там только дома: своим домом она считала Холломанский институт, ибо принадлежала к тем людям, которые буквально жили работой.

Через полгода после того как строительство ХИ закончилось, она обустроилась. Ванная комната в непосредственной близости от кабинета оказалась в ее единоличном пользовании. Тут же рядом находилась комната, изначально предназначавшаяся быть местом отдыха и восстановления сил для членов персонала; эту комнату Джесс тоже реквизировала в свою пользу. В целом директор ХИ получила разрешение жить в этих помещениях при условии, что ни ванная комната, ни комната для отдыха не будут наводить на мысль, что она устроила себе там пристанище.

Отягощенная комплексами и прекрасно отдающая себе отчет в степени своего навязчивого невроза, Джесс сумела сделать из них айсберг: на поверхности виднелась только самая верхушка, остальное было успешно скрыто. Такое было бы невозможно, будь она связана с кем-то близкими отношениями, но, поскольку ее психические слабости имели лишь легкую форму и она не имела близкого задушевного друга, коллеги воспринимали ее недостатки так же, как и свои – как неотъемлемую часть профессии.

Единственным человеком, которому за все время удалось прорваться сквозь защитную стену Джесс, стала Иви Рамсботтом, страдающая навязчивым неврозом примерно в той же степени – все непроизвольно приводилось в порядок, каталогизировалось и убиралось на место, без переступания черты клинической мании.

– В мире полно людей вроде нас, – сказала Джесс Иви при первом знакомстве, сразу после того, как заметила, что у той булавки с фарфоровыми головками воткнуты в подушечку в определенном порядке, составляя нечто вроде радуги. – Ты бы умерла, если бы воткнула черную булавку посреди красных, верно?

Ошарашенная Иви рассмеялась и призналась, что да.

Джесс шла по Холломан-Грин, наслаждаясь красотой медно-красных пляжей, когда ее взгляд упал на захватывающую картину, обрамленную красными листьями. Это была черная как уголь витрина магазина, содержащая три неправдоподобно стройных пластмассовых манекена, изображающих невесту и двух ее подружек, одетых в потрясающие платья. Над черной витриной белыми буквами значилось: «Свадебные платья Ра Танаис». Не в силах устоять, Джесс пересекла улицу и вошла в магазин. В этом огромном помещении примерочные кабинки

могли бы вместить клиентку в полноценном кринолине, а вешалки были полностью посвящены свадебным нарядам.

Чрезвычайно высокая привлекательная женщина в модном лиловом платье с улыбкой приблизилась к ней.

– Вы здесь из любопытства, а не в качестве покупателя, – сказала женщина после рукопожатия. – Я Иви Рамсботтом.

– Я доктор Джесс Уэйнфлит, – представилась Джесс, – и ваша витрина меня очаровала. Толпы людей обращают на нее внимание. Даже проезжающие мимо машины замедляют скорость до черепашьей.

– Не родилась еще на свет такая женщина, которая не хотела бы быть невестой. Пойдемте в мое логово и выпьем эспresso.

Это случилось восемь лет назад. Дружба расцвела в значительной степени из-за присущей им обоим склонности к навязчивым состояниям – так хорошо иметь кого-то, с кем можно вместе над ними посмеяться! В Иви этот тип был представлен в чистом виде: педантично ровно расположенные записки на двери холодильника и фарфоровые чашки, повернутые рисунком в одну сторону, тогда как в Джесс к этому присоединялась маниакальная черта, принуждавшая ее работать слишком усердно и порой терять терпение.

Конечно, к настоящему времени Джесс знала историю Иви и была для подруги полезной; умение проникать в суть и способность к тонкому восприятию, свойственные ее профессии, делали ее лучшей наперсницей, какую Иви могла пожелать. Грустно и огорчительно было лишь то, что Иви не могла отплатить ей услугой за услугу, давая такие советы, в которых нуждались проблемы Джесс. С этими проблемами Джесс продолжала справляться в одиночку, безо всякой посторонней помощи, за исключением той поддержки, которую давала ей сама дружба.

Итак, после салона у Ра и Руфуса Джесс наведлась в свой дом лишь затем, чтобы переодеться из вечернего платья в рабочий костюм, который она носила в ХИ – то есть в брюки и простую блузу. После чего она отправилась домой – иными словами, поехала в Психушку.

Первым делом надлежало обойти свое королевство, его коридоры, похожие на корабельные, с поручнями и дверями без табличек. Время от времени Джесс открывала одну из них и входила в какую-нибудь особенно любимую комнату, такую как нейрооперационная. Когда в 1959 году она согласилась занять эту должность, то настояла на том, чтобы ХИ имел все необходимые атрибуты многопрофильной больницы. Да, это стоило денег, но обычные многопрофильные больницы не были предназначены для душевнобольных преступников ни в каком отношении, особенно в том, что касалось безопасности. Так что когда заключенный Психушки заболел, его лечили в ХИ, включая даже хирургию и реанимацию. Конечно, операционная использовалась также для экспериментальной ветеринарной хирургии, главным образом для операций над приматами. Как было объяснить всяким непонятливым Тодо Сатамам этого мира с их заботой о деньгах налогоплательщиков, что попытки лечить душевнобольных, совершивших насильственные преступления, в обычной больнице дороже, чем в ХИ?

Наконец, когда часы на стене напротив письменного стола Джесс показывали 4:47, она опустилась в мягкое кресло и отворила дверцу в правой тумбе стола. Глазам предстал сейф и его замок с цифровой комбинацией. Прикрыв рукой бороздчатый диск с немногочисленными цифрами, она повертела его нужным образом вперед и назад, пока с легким щелчком не высвободился последний тумблер. Прикрывающая диск рука опустилась. Глупо было загораживать диск: всякий, кто попытался бы увидеть ее манипуляции с диском, должен был бы иметь глаза на конце подлокотника кресла. Тем не менее Джесс каждый раз его прикрывала. Конечно, это было проявлением ее мании, она это понимала. Точно так же она понимала, что ничья спина не сломается, если при ходьбе наступить на трещину – но что, если все-таки сломается? Поэтому трещины лучше перешагивать, на всякий случай. Ритуалы были столь могущественны, столь наполнены смыслами, что уходили далеко в глубь времен, к обезьянам.

– Язык, – сказала она, вынимая из сейфа папки, связку за связкой, – это речевое выражение многосложности, существующей в мозге. Как глагол «хотеть». Животное может выразить желание, совершая какое-нибудь физическое движение или издавая голосовой сигнал, направленный на осуществление желания. «Я хочу!» – только человек может сказать это, включая указания на степень желания, на специфический вид желания, на ту нишу, какую это желание занимает. Не шевеля при этом никакими мышцами, кроме мышц губ, языка и верхних дыхательных путей. Как открываются проводящие пути-мостики между детским «Я хочу» и зрелым «Я хочу, но не могу, потому что это разрушит чье-то еще первоочередное право сделать это»?

Ее голос перешел в бормотание.

– Что на путях к зрелости может подавить самое первичное побуждение из всех – хотение? О, Джесс, ответ существует, и ты, именно ты найдешь его.

Это был большой и хорошо обставленный кабинет. Но Джесс не зажгла верхние лампы дневного света, а лишь щелкнула выключателем изогнувшейся над столом лампы с зеленым абажуром. Дальние углы комнаты были погружены в полнейшую тьму, и неожиданные тени крались, качались, дрожали всякий раз, когда работающая за столом меняла положение тела. Часть натуры Джесс любила эту наступающую на нее тьму – которую она и только она словно бы держала в узде; то была безобидная демонстрация власти и, будучи безобидной, могла быть прощена. Вот глупое властолюбие – это было бы другое дело, оно непростительно.

Примерно сотня файлов лежала на столе, поделенная на более мелкие стопки, перевязанные разноцветными ленточками. Каждая ленточка была на самом деле кодом, который знала только одна Джесс и который нигде не хранился, кроме как в ее памяти, в самом безопасном сейфе из всех... Эта установленная ею классификация касалась поведения пациентов, которое варьировалась от самого примитивного до самого изощренного по способности осмысления. Градации, установленные Джесс, следовали ее личным, авторским теориям. В этом отношении она была плохой коллегой, она не желала делиться. Но этот проект, которым Джесс особенно гордилась, не имел никакого отношения к ее работе в качестве директора, он финансировался отдельным грантом, направленным лично ей, и был слишком спорным, чтобы о нем распространяться до получения значимых результатов.

– Это гораздо более трудная для понимания вещь, чем язык, – произнесла Джесс, не сводя глаз с закодированных папок, – но проявляется в языке, и я должна найти ключевые слова. Слова-триггеры.

Из-за двери выглянула голова.

– Входи, Уолтер, – не глядя сказала она.

– Сначала я принесу тебе свежего кофе, Джесс.

Уолтер вернулся с кружкой из тонкого фарфора, наполненной горячим превосходным кофе, и поставил ее перед Джесс, затем сел в кресло для посетителей, закинув одну босую ногу на его подлокотник. Высокого роста, он был в идеальной физической форме: широкоплечий, с плоским животом, узкими бедрами и мощными ногами. На нем были футболка и короткие шорты коричневатого-серого цвета без опознавательных больничных меток. Его светлые волосы не поредили, но он носил короткую морскую стрижку, слишком короткую, чтобы относиться к какому-то стилю; она лишь подчеркивала его бычью шею. Гладкое, чисто выбритое лицо с правильными чертами выглядело таким же решительным, как и его манера держать себя. Поразительный человек, мужчина такого типа, которого незнакомец при встрече сочтет надежным. Звали его Уолтер Дженкинс, он стал обитателем лечебницы, чье досье имело пометку «никогда не выпускать», и он был величайшим триумфом Джесс Уэйнфлит. Каждый психиатр психиатрического отделения ХИ знал, что он излечился, но они также знали, что никакие их самые красноречивые аргументы никогда не дадут Уолтеру свободы. Никто не был готов взять на себя риск его освобождения, даже на полдня. Сам Уолтер хорошо знал это и принимал свой жребий с невозмутимостью. Тюрьма была почти единственной жизнью, какую он знал, и он

понимал, что ему повезло. Здесь, в ХИ, его вылечили, и здесь он вел интересную жизнь, приносил пользу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.